

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Александр Афанасьев

ГОД
КОЛЮЧЕЙ
ПРОВОЛОКИ

Александр Афанасьев
Год колючей проволоки
Серия «Период распада», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643985
Афанасьев А. Год колючей проволоки: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50572-2*

Аннотация

Ошиблись древние пророки! В 2012 году конец света не случился, и счастливое человечество (точнее, лучшая его часть) продолжало наслаждаться прелестями мирной жизни. Правда, война на Ближнем Востоке не прекращалась ни на минуту – темные афганцы никак не желали осознавать необходимость демократии и придумывали все новые способы уничтожения своих освободителей, кровавый иранский режим упорно не хотел рушиться под тяжестью своих преступлений, да и в целом крестовый поход против терроризма несколько затягивался. А тут еще и Турция внезапно решила восстановить Османскую империю, и Россия вдруг вспомнила о том, что когда-то была сверхдержавой. Но США – светоч мировой демократии – доблестно продолжали противостоять новым вызовам, посылая своих солдат в разные концы беспокойного мира и не замечая мину замедленного действия у собственного порога...

Содержание

Пролог	4
23 мая 2015 года.	6
Что такое один украинец?	21
Ближняя ретроспектива.	105
11 июня 2014 года.	117
Отражение.	125
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Александр Афанасьев

Год колючей проволоки

Нельзя позволить ядовитым змеям устроить гнездо у тебя в саду даже при наличии молчаливого договора о том, что они вместо ваших будут кусать соседских детей. В конце концов они вернуться и покусают вас и ваших детей.

Генерал Дэвид Петреус

На протяжении XX века война не прекращалась ни на миг. Ожидая эпоху всеобщего благоденствия, на самом деле мы вступили в эпоху войн. Впрочем, XXI век сулит нам еще более страшные испытания. Палестина, Афганистан, Ирак, Сомали, Чечня – все это примеры нового типа войны.

Непрекращающейся войны.

Размышления о современной войне. Автор

Пролог

Год, следующий за концом света

Две тысячи тринадцатый год от Рождества Христова потом назовут годом колючей проволоки. Счастливо избегнув конца света, предсказанного индейцами майя в конце 2012 года – может, у них просто воображение закончилось, а мо-

жет, они видели в этой жизни что-то, что не видим мы, – человечество бросилось покупать колючую проволоку. В этом году силы стабилизации в Афганистане решили испробовать новую тактику конфликта, основанную на изоляции районов, контролируемых моджахеддинами, талибами, и воспрещении свободного перемещения в районы, контролируемые властями. Для изоляции применялись самые разные средства – от ракет «Хеллфайр» с «Предаторов» до колючей проволоки, которой опутали, а где и не в один ряд, дороги, кишлаки, города. Афганистан был не единственной страной в мире, где колючая проволока была востребована. Люди, избегнув конца света, научились бояться собратьев своих.

Год колючей проволоки...

23 мая 2015 года.

Бывшая Украина.

Киев, проспект Степана Бандеры.

Американская зона оккупации

Майор Советской Армии в отставке,

173 ООСпН Владимир Тахиров.

Ветеран боевых действий

в Демократической

Республике Афганистан

Вне зоны доступа

Мы не опознаны.

Вне зоны доступа.

Мы дышим воздухом.

Вне зоны доступа.

Вполне осознанно.

Вне зоны доступа.

Мы...

Город 312

Вне зоны доступа мы...

Майор Владимир Тахиров, уволенный из рядов вооружен-

ных сил в девяносто седьмом году за то, что написал рапорт на имя министра обороны, где указал несколько схем расхищения военного имущества своими сослуживцами, а до этого изгнанный из рядов спецназа за то, что ударил полковника, в пьяном угаре посылавшего на смерть его и его пацанов, проснулся, как и обычно, – с первыми лучами солнца, с рассветом.

Он проснулся так, как просыпаются дикие звери – просто открыл глаза и замер, вслушиваясь в тишину, в едва слышный шелест штор у открытого окна, в легкое, сонное дыхание женщины рядом с ним, в шум ранних машин на проспекте. Он прислушивался, принюхивался, стараясь уловить хоть самый малый намек на то, что дело плохо, – легкий шорох, посторонний запах, отсутствие шума под окнами, которое могло говорить о том, что улица перекрыта, приближающийся шум вертолетных лопастей – у американцев в последнее время появились малозумные транспортные машины, можно не заметить, пока поздно не будет. Но ничего этого не было – только едва слышный шум за окном да дыхание. Майор лежал так еще какое-то время, потом аккуратно поднялся на руках, стараясь не разбудить спящую рядом женщину, – и ловко выпрыгнул на ковер. Почти бесшумно пошел в ванную, по пути не забыл проверить, закрыта ли дверь.

Дверь была закрыта.

Намыливаясь под душем, майор понял, что стареет. После вчерашнего, когда ему немало пришлось лазать по чер-

дакам и подвалам, мышцы так и не восстановились, остатки молочной кислоты были в них и поныне, причиняя боль.

Да... Не мальчик.

Мальчишками они были тогда, в Афганистане – удивительно, но в СССР даже в спецназе были срочники! Он попал в спецотряд, потому что на него обратили внимание в военкомате: идеальный немецкий, потому что мать учительница немецкого в средней школе, и посредственный английский, потому что немецкий он изучал дома, в порядке факультатива, так сказать. Плюс – взрослый норматив «кандидата в мастера» по биатлону. Надо сказать, что в спецназ тогда подбирали по несколько другим критериям, нежели сейчас. Ценились не габариты и спортивные достижения по рукопашному бою – а знание языков и спортивные успехи по дисциплинам, требующим длительного и упорного приложения сил – бег на стайерские дистанции, лыжи, биатлон – вообще великолепно. А два языка – это просто находка, потому что два иностранных языка являлись минимумом для солдата советского спецназа, а за два года службы можно выучить и третий – и тогда получится вообще полиглот, будет, чем похвастаться на смотре. Да вот только не дали ему французский поучить...

После курса молодого бойца их сразу перекинули в Чирчик. Одна из самых страшных школ доподготовки в Советской Армии, с постоянным голодом, с марш-бросками под палящим солнцем, с обмороками от солнечных ударов, со

стесанными до костей пятками. Во время длительных марш-бросков под палящим солнцем и с полной выкладкой в этой спецколе умирали люди. Упражнения были самыми разными. Провинившихся расстреливали – давали лопату и заставляли копать себе могилу в каменистой земле. Когда могила была готова – стреляли холостыми...

Первым комбатом у них был Ялдаш Шарипов, по национальности узбек, кличка Бай. Командир жесткий, но правильный, побывавший в Афганистане и учивший тому, что действительно было нужно там. И даже больше – например, каждый вечер он ставил каждой из рот задачу украсть что-либо у другой роты – что-то из документации, дневального, иногда ставилась задача украсть знамя отряда. В итоге – в ночное время вместо сна все дежурили, а если кому-то все же получалось потерять что-то, пропустить воров, то провинившихся ждал марш-бросок под палящим солнцем в полной боевой выкладке. В основном отряд состоял из призывников с Кавказа и Средней Азии, но Тахирова, на четверть русского, на четверть узбека, наполовину немца, в отряд взяли, благо он был таким же, как и все, чернявым и смуглым. Потом ему и дали кличку Узбек, словно в насмешку, за четверть его узбекской крови, но кличка прилипла, и больше Тахирова по-другому никто и не звал.

Потом Тахиров не раз с благодарностью вспоминал майора Шарипова. Пусть и тридцать с лишним лет прошло, и ему самому уже – пятьдесят, но уроки Шарипова до сих пор

ценны и действенны...

В Афганистане они стояли под Кандагаром – оперативная зона Юг, один из самых страшных участков. Пустыня и плоскогорья, для караванов – сущее раздолье. От Кандагара к пакистанской границе ведет «американка», отличная, построенная то ли британцами, то ли американцами дорога, а там совсем рядом – порт Карачи, через который в Пакистан прибывают оружие и подкрепления для моджахедов. И даже если начнется вторжение – оно начнется именно отсюда, потому что здесь – самый короткий и не прикрытый горами путь для удара.

И они здесь стояли. Неделями пропадали в пустыне, брали караваны. Выстроили вокруг Кандагара многоэшелонированную систему обороны, на которой сложили немало голов духи. Патрулировали на вертолетах...

Когда распался СССР – перед Тахировым, как и перед всеми другими офицерами, встал выбор – что делать дальше? Кому присягать? На этот вопрос не так-то просто ответить, как кажется. Их вывели после войны в Азербайджан, сам он был на четверть русским, на четверть узбеком и наполовину немцем, имевшим право выехать в теперь объединенную Германию. А родился он в Киеве, на Украине – или в Украине, как сейчас принято говорить. Нормально? Вот и реши тут...

Решил – как и многие другие, присягнул России. Знать бы тогда...

Иногда он долго думал. Над тем, как прошла его жизнь, с кем и как он воевал, и самое главное – ради чего? Ради чего они воевали, если результатом – вот это?! Что же они сделали не так, ведь они воевали честно и храбро, и ни один не дрогнул и не побежал?

Из спецназа его турнули в девяносто шестом – в те дни они стояли в Грозном, крупные силы боевиков ворвались в город. Первым делом захватили вокзал, буквально смяв его защитников – там боевикам кто-то оставил подарок – вагон гранатометов и огнеметов. Тогда он, уже будучи майором, не взял грех на душу, отказался исполнять приказ – покидать укрепленные позиции и идти на деблокирование окруженных неподалеку чеченских ментов – без связи с ними, без бронетехники, без поддержки, безо всего – просто сказал открытым текстом по рации, что остается на позициях и никуда не пойдет. А в ответ на визгливый крик непонятно откуда взявшегося на частоте «командующего» – просто послал его по известному адресу.

Тогда они выстояли. Оружия и патронов было достаточно – у них в комендатуре комендант запасливо приберег по двадцать БК на ствол, была и жратва. Не было воды – ночами, когда немного затихало, самые отчаянные ползли за несколько десятков метров к канаве и черпали там грязную, вонючую воду, а потом ползли обратно. Ее было немного, этой драгоценной влаги, хватало только раненым – но они тогда выстояли. И он выстоял, – когда отдавший идиотский

приказ полковник орал на него, он еще терпел. Но когда он схватил его за погон, пытаясь сорвать, – он сделал шаг вперед и резко, как в пацанской драке, ударил коленом в пах – так что не ожидавшего этого полковника просто вывернуло наизнанку, и весь тот обильный обед под водочку, который он скушал на Северном, извергся наружу...

Иногда он сравнивал – эту войну и ту. Эта была какой-то не такой, чистенькой... и одновременно подлой. Там, в Грозном, они воевали, и воевали до этого в зеленке, они схватывались с врагом на равных, убивали и умирали. Их врагом были бородачи – молодые, нечесанные, заросшие бородами дурнопахнущие фанатики, которые так привыкли грабить, что больше ничего и не видели, кроме этого. Их врагами были офицеры – такие же офицеры той же самой Советской Армии, как и они сами – иногда по связи они выходили друг на друга, расспрашивали, где и кто служил, вспоминали. Ходили слухи, что где-то ходили и на нейтралке вместе пили водку, стараясь забыться, уйти и не видеть всю эту грязь и мерзость, в которую их втоптывала родная страна. Были и волчата – совсем еще неподросшие пацаны, взявшиеся за автомат; в Чечне был культ оружия, культ силы, там мать никогда не приедет в отряд забирать своего сына, как бы плохо ни воевал его командир – а плохо воевали к тому времени почти все, опытных повыбили. И вот эти волчата, только и знавшие «Аллах Акбар!» – смело бросались вперед, паля из автомата, они готовы были умереть, но забрать на тот свет

с собой одного-другого ненавистного им русиста, они больше всего зверствовали над захваченными в плен молодыми русскими солдатами, вымещая на них свой щенячий, глубоко спрятанный в душе страх. Эти были будущим... если те волки были настоящим, они были все же людьми, хоть волей судьбы и брошенные по ту сторону баррикад – то эти были будущим, жестоким и кровавым будущим. С ними же не сядешь на нейтралке с бутылкой, не вспомнишь старые дела – эти будут зубами рвать, и не только военных, – всех, кто им попадется под руку...

Но та война – с разорванным трассерами небом, с мельканием серых теней в оконном проеме, с болотно-зеленым светом в ночном прицеле, со сбивчивым бухтением-хрипом по рации, со стоном раненых на вот уже третий день как обложенном со всех сторон блоке – та война была для него близкой, простой и понятной, такой, какой и должна быть война. И вторая война, которую он уже пропустил, была понятной – просто первый раз их предали, второй раз – нет, и они победили. Добили гадину.

А эта...

Тихая и жестокая, с множеством смыслов, которые невозможно понять, с отсутствием видимого сопротивления, с правильными словами и мерзкими делами. Американцы и поляки сами старались не воевать – они послали на самые грязные дела людей из дивизии Бандеры, дивизии Шухевича или вспомогательной полиции. На улицах Киева было от-

носительно тихо, если не считать блок-постов, да и их было немного, но это было только видимостью. Надо было помнить, что за тобой постоянно следят, что, может быть, именно за тобой следит объектив камеры беспилотного летательного аппарата или самолета разведки и управления, висящего над городом. Киев стал городом тихой, сочащейся из всех щелей злобы и ненависти – где одна половина города ненавидела другую, и одни считали других пособниками оккупантов, а другие первых – азиатским быдлом. В этом теперь был весь Киев – некогда древний, элегантный, раскинувшийся по обеим берегам Днепра город с каштанами, с Крещатиком, с мостами и с пляжами, очаровательными девушками. Когда началось – Киев почти не пострадал, по нему не наносили ударов, в отличие от Одессы, Севастополя, Донецка или Харькова – но как-то так получалось, что он пострадал при этом больше всех. Оккупантам удалось убить душу Киева, превратив его из того, что было – в город взаимной тихой ненависти, в город, где живут глубоко чужие и даже чуждые друг другу люди.

Вот за это Тахиров оккупантов простить и не мог.

Хотя иногда и задумывался – а может, это не американцы с поляками, может, это они сами убили свой родной город, точно так же, как убили до этого родную страну. Может быть, и так... нельзя безнаказанно убивать родной город и родную страну... и нет им прощения за то, что они сделали. Каждый выгребает по делам его.

Приняв десятиминутный ледяной душ, он оделся – привычка, терпеть не мог быть неодетым, потому что могло получиться так, что в любой момент придется спасаться, – прошел на кухню, поставил на газ сковородку. Газ, как ни странно, был – Россия продолжала поставлять его. Может быть, так и лучше.

Когда на масле зашкворчали разбитые яйца, на кухню вошла она. Он бы не хотел этого сейчас, потому что чувствовал себя виноватым перед ней и не знал, что ей сказать. Получалось так, что он ее использовал и бросил – да не только бросил, но еще и подставил. Это было подло... и никакой оперативной необходимостью тут не отговоришься...

– Уходишь? – спросила она

– Да... – коротко ответил он, смотря, как на сковороде застывает бело-желтый узор.

– Надолго?

– Не знаю...

Она пододвинула колченогую, оставшуюся на этой сверхсовременной кухне еще с давних времен табуретку, села так, чтобы смотреть ему в глаза. Она была выше его на голову, при этом училась на три класса младше... в школе над ними постоянно насмехались из-за этого, и смотреть ему в глаза было сложно, тем более что он этого не хотел.

– Зачем все это?

Он не ответил.

– Ах, да... Восточный мужчина... Я совсем забыла. Когда

надо – пришел, когда надо – ушел. Извини...

– Ничего... – тяжело сказал он, чувствуя, как давит в груди.

– Может, хватит?

– Что ты предлагаешь?

– Давай уедем! Куда-нибудь... ты же немец, тебя в Германии примут. Куда угодно уедем, я с тобой поеду.

– А это – что?

– Да черт с ним! Черт с ней с квартирой, со всем...

– Я не про это...

– А про что?

– Про то, что за окном.

Она отвернулась.

– Опять...

Он ничего не ответил, просто нечего было.

– Что тебе нужно? Что тебе нужно от жизни, Вова?! Ты как одинокий волк, тебе это все не надоело? За кого ты воюешь, посмотри! Посмотри – вот им ничего не нужно. Им ничего от тебя не нужно, понимаешь, и жертвы твоей – им от тебя тоже не нужно. Если тебя убьют, то просто растворят в кислоте, и ничего от тебя не останется на земле, ты это понимаешь?! И от меня – тоже ничего не останется! Ты воюешь за свои мифы, за тени прошлого, за призраков! За историю, которая поросла быльем! Давай уедем!

Он ничего не ответил. Он просто сидел и смотрел перед собой – и очнулся, вернулся в этот мир только тогда, когда в

кухне отчетливо запахло горелым...

– Вот что... Давай уедем. Только не в Германии, в Ростове... Не хочу в Германию.

– Правда?

– Правда.

– Правда-правда?

Он не принял ее игривого тона.

– Слушай внимательно и запоминай. Продай все, что можешь продать за день. Потом – перебирайся через границу, это можно сделать. Не бери с собой никакого оружия, не надевай никаких золотых украшений, просто держи их с собой. Оденься похуже, чтобы не привлекать к себе внимания. В Ростове, как приедешь, приедешь по адресу: Задонская, девятнадцать, спросишь Витьку Хребта. Запомнила – Задонская, девятнадцать, Витька Хребет. Он знает, что делать, мое имя можешь даже не упоминать.

– А ты?

– Мне нужен один день. Потом я приеду. На самом деле – хватит. Последняя гастроль.

– А сейчас – нельзя?

– Нет, лягушка-путешественница, нельзя. У меня сегодня дело. И его откладывать нельзя.

– Но ты точно приедешь?

Он улыбнулся.

– Точно. Теперь мне есть, ради чего возвращаться...

Когда он уходил – она стояла у окна в подъезде, проводила его взглядом, пока он не вышел в арку, ведущую на проспект Степана Бандеры. Потом вернулась домой, порылась в одном из ящиков стола, вытащила старый аппарат сотовой связи – она говорила, что телефон сломан, хотя это было не так. Вставила аккумуляторную батарею. Потом набрала номер, который помнила наизусть, – номер сотового своего куратора в департаменте по борьбе с терроризмом киевской полиции безопасности. Подождала, пока не минет десять гудков, – обычная мера предосторожности. Потом щелчок дал понять, что ее слушают.

– Мария Ковалевская, – отчетливо произнесла она.

Трубка какое-то время молчала – к ней был подключен голосовой анализатор, и она перебирала записанные в памяти профили, устанавливая личность позвонившего.

– Я слушаю вас, – наконец отозвался куратор.

– Узбек только что ушел от меня. Он готовит террористический акт, сегодня. Приглашал меня в Ростов, говорил, что отойдет от дел.

– Место и время?

– Не знаю. Я не рискнула расспрашивать.

– Хорошо. Сообщение принято, вам перезвонят.

В трубке забились гудки отбоя...

Майор Владимир Тахиров, он же Узбек, совершил ошибку – одну, но в его положении крайне грубую и недопусти-

мую. Он приехал в родной город, где родился и вырос, он обзавелся подлинным аусвайсом и служебным удостоверением сотрудника полиции порядка. Он был никем, тенью в этом городе, одной из многих. Но вместо того, чтобы просто снять квартиру, он пришел к той, которую знал еще со школьных времен, пришел – и ему даже в голову не пришло поинтересоваться, а чем она живет, и как сумела сохранить свою довольно дорогую квартиру в центре и свое дело. Просто в его понимании детство и юность были чем-то святым, неосязаемым и святым, чем-то светлым, кардинально отличающимся от того, что было сейчас вокруг. Ведь совсем без светлого, без хорошего жить нельзя, он и воевал-то за то, чтобы вернуть тот самый, правильный и в чем-то наивный мир своего детства и юности.

Так он попал в сеть, сплетенную в Киеве полицией безопасности. Эта сеть была плотной, и в ней были самые разные люди – ведь в Киеве давно уже не было места правде, добру, верности, в нем выживал только тот, который имел прикрытие, *крышу* – от полиции, от государства, от американцев, наконец, от диаспоры. Узбек потерял осторожность, утратил бдительность – и сегодняшняя акция должна была провалиться. Вот только на той стороне играли такие же негодяи, какой была и Любовь Щичко, одинокая женщина и коммерсант из Киева, торгующая продуктами питания, она же осведомитель полиции безопасности, оперативный псевдоним Мария Ковалевская, псевдоним прикрытия соответ-

ствует настоящему имени, личный номер 011139124, статус
– вполне надежна...

Что такое один украинец?

Партизан.

Что такое два украинца?

Партизанский отряд.

Что такое три украинца?

Партизанский отряд

с предателем...

Генерал войск полиции (обращение «пан куриный» упорно не приживалось, умники произносили его исключительно как пан куриный, издеваясь над украинским языком и достоинством украинского офицера) Олесь Стыцюра был довольно молодым для своей должности – сорок один год – выходцем из Львова. Он хорошо знал русский, польский и английский языки – потому что в молодости был гастарбайтером в Европе, пока лавочку не прикрыли. Потом – делать было нечего – он устроился в полицию, довольно быстро дослужился до майора – просто он знал, где хапнуть, и всегда делился с начальством – а оно ценило молодого и пронырливого полицейского. Когда он только начинал, у власти в стране были еще «оранжевые» – и поэтому он записался в националисты, стал адептом фашиствующего Олега Леже-

бока. Когда же на улицах Львова появились бронеколонны *освободителей* – он одним из первых прибежал в ратушу, где расположилась польская комендатура, рассказал о предках, погибших при оккупации страны Красной Армией, и выразил самое горячее желание служить в миротворческих силах или где-нибудь еще, где он будет нужен. Поляки довольно быстро пробили его по базе – а база была, большинство националистических движений на Украине финансировались из фондов, за которыми стояли польская, британская и американская разведки, – выяснили, что майор Стыцюра действительно националист со стажем. Прямо в ратуше его повысили до полковника и сделали заместителем начальника львовской полиции порядка – начальником все же был поляк. Такие люди были нужны в новой Украине.

Потом он сделал еще один шаг наверх – по программе обмена его отправили на шестимесячные курсы переподготовки полицейских не куда-нибудь, а в академию ФБР в Квантико, штат Виргиния. Тамошние преподаватели – а Стыцюра учился лучше других исключительно потому, что лучше остальных понимал язык, – все же разглядели его сущность и сделали отметку в личном деле «склонен к противоправному поведению, для работы в органах правопорядка не годен». Но других полицейских для полиции нового украинского государства брать было неоткуда, да и в Киеве на постах было немало людей, кто помнил Стыцюру как любезного молодого человека, всегда готового поддержать материально началь-

ство. По возвращении ему присвоили звание генерала полиции и назначили сразу на должность заместителя начальника Киевского управления полиции безопасности – начальника департамента по борьбе с терроризмом. Должность не то чтобы очень хлебная, да еще и проблемная, но чтобы быть назначенным на другую – надо «занести», а достаточного количества денег у Стыщюры не было. Начальство на то и рассчитывало – ничего, парень сообразительный, накопит и занесет. Он копил...

Когда генерал Стыщюра – по должности ему полагался бронированный «Субурбан» и эскорт из двух бронемашин – прибыл в управление, расположенное на Львовской и окруженное со всех сторон блокпостами – навстречу ему прямо в вестибюле кинулся один из его офицеров, Николай (Мыкола) Беленко, которого он сам лично знал еще по Львову и сам тащил из грязи как верного и преданного человека.

– Пан генерал!

– Ну что...

У Стыщюры болела голова – полночи он провел в борделе. Этот бордель был открыт в бывшем дворце пионеров, и просто так с улицы в него было не зайти. Это был своего рода офицерский бордель, и карточка-пропуск туда означала, что ты приближен к самым верхам миротворческих сил и гражданского корпуса реконструкции, такой карточкой те из украинцев, у которых она была, гордились. От обычных борделей этот отличался уровнем – все пристойно, дамы в

платьях, а не в белье, шампанское, музыка, приятная обстановка в номерах, но самое главное – контингент. Сюда всегда стояла очередь на трудоустройство, потому что работы в Киеве было мало, а красивых девушек – много, и все они хотели подзаработать. Отсюда – если хорошо будешь работать – была прямая дорога либо за границу, либо, если очень повезет, можно и подцепить кого-нибудь. Клиентурой здесь в основном были мужчины среднего и старше среднего возраста, в основном американцы, у поляков свои «лежбища» были, и эти американцы, задолбанные политкорректностью, запуганные возможностью исков о харассменте, измотанные семьями и местными американскими дамами, которые не очень-то заботились о своем внешнем виде и требовали принимать их такими, какие они есть, – так вот, эти американские мужчины были просто в шоке от красоты и энтузиазма в постели местных дам. Многие спускали в борделях большую часть своего немалого жалования, а кто-то и решался на развод...

Что же касается генерала Стыцюры, то, постоянно посещая бордель, он преследовал сразу три цели. Первая – это быть на виду, крутиться в обществе американцев, совершенствовать английский, заводить контакты – короче, делать все, чтобы тебя запомнили. Это может в будущем очень сильно пригодиться – некоторые из местных, которые начинали в Ираке и проявили себя лояльными и сообразительными парнями, получили грин-кард и теперь служат здесь, в

миротворческих силах. Возможно, это поможет при назначении на новую должность, возможно... Да многое здесь возможно, война – это всегда окно возможностей, как модно сейчас говорить – только не зевай!

Второе – бордель был не только местом, где можно было удовлетворить свои сексуальные потребности, здесь можно было и неплохо заработать. Постепенно бордель превратился в своего рода мужской клуб по интересам – например, вчера ему удалось сразу две сделки. С Веславом, польским полковником из миротворцев, он договорился о продаже крупной партии спиртного, которое перехватили его расторопные подчиненные и чисто теоретически должны были вылить или переработать на охлаждающую жидкость. Второе – он встретился с Генри из корпуса реконструкции и договорился об отправке в Штаты очередной партии детей. Здесь было много детей, потерявшихся, оставших или потерявших родителей, бездомных... и при этом это были белые, довольно здоровые, не отягощенные плохой наследственностью дети. Сам Стыцюра удивился, когда узнал, что американцам нужны дети, да еще по таким ценам, – если бы ему не назвали цену за одного ребенка, он бы сам назвал цену ниже раз в пять, потому что в его понимании от детей одни проблемы. Иногда американцам нужны были просто дети, чаще всего – мальчики, иногда – дети с определенной группой крови, иногда они забирали образец биоматериала от ребенка и через некоторое время говорили – подойдет или нет.

Полиция безопасности постоянно держала в особых лагерях какой-то фонд детей; если они не подходили американцам – их просто вышвыривали за ворота, если подходили – продавали. Стыцюра не мог понять, зачем нужны были именно мальчишки, вот румынам и полякам, например, нужны несовершеннолетние девочки, это понятно для чего – а мальчишки? П...ров, что ли, ублажать? Впрочем, это их дело, платят – и платят...

Третья причина, почему Стыцюра ходил в бордель, – это комплексы и уязвленное самолюбие. Когда он работал га-старбайтером, он видел немало роскошных женщин, которые проходили мимо него, кривя нос. Когда он работал полицейским в Львове – ему перепало от уличных проституток, но все это было не то. И лишь здесь, когда красивая женщина покорно вставала перед ним на колени, он ощущал себя удовлетворенным и полностью довольным жизнью. Черт, только ради этого стоило жить...

Но голова все-таки болела. Не стоило вчера смешивать – сначала он тяпнул виски, а потом шампанским отлакировал...

– Пан генерал, сообщение по красной категории.

– Пошли в кабинет.

Охрана из какой-то польской частной военной компании – черные очки, короткие рукава, как у израильтян, короткие автоматы «Берил», на восемьдесят процентов слизанные с «АК», но очень удобные, остались в вестибюле. В этом зда-

нии генералу Стыщуре теоретически опасаться было нечего.

В отличие от всех остальных офицеров такого ранга, у которых в приемной сидела молоденькая студентка из Академии безопасности, которую можно было использовать... во всех смыслах, у генерала Стыщеры в приемной сидел мужчина еще старше его. Все дело было в том, что за удовлетворением своих половых потребностей генерал ходил во Дворец пионеров, а вот иметь в приемной шпионку не хотелось, пусть даже эту шпионку можно с удовольствием попользоваться на столе по три раза на дню. В приемной у генерала сидел Демьян, родом из Львова, полицейский, который, пользуясь бардаком во время освобождения, изнасиловал и убил маленькую девочку и остался безнаказанным. Для генерала это было самое важное, потому что генерал знал, и Демьян знал, что генерал знает, – и таким образом генерал Стыщора был хоть как-то защищен от «художественного стука» своего ближайшего сотрудника. Ну и платил он, конечно, ему... в том числе из собственного кармана. А то, что Демьян был наглым, нераспорядительным и варил хреновый кофе... так нет в мире совершенства, нету...

– Меня ни для кого нет, – заявил генерал, открывая дверь кабинета, – и ни с кем меня не соединяй двадцать минут. Через тридцать минут – начальникам отделов на оперативку.

– Угу... – ответил Демьян, все внимание которого поглощала «косынка» на компьютере.

В кабинете генерал бросил свой портфель на стол, плюх-

нулся на свое место.

– Говори, что там у тебя за красный код...

– Спецсообщение по Узбеку, пан генерал. Он планирует террористический акт. Сегодня у нас – спецмероприятие, прибывает Долан.

– Когда?

– Самолет в Борисполе садится ровно в час по местному, еще успеем прикрыть...

В голове мутилось. Генерал достал из нижнего ящика стола «аварийную» бутылку «Боржоми» и присосался к ней. Хорошо, что есть теперь «Боржоми», этот... как его там... торговать больше нечем, так он вином да боржомом торгует...

– Что за Узбек?..

– Узбек, пан генерал... вот объективка на него...

Положив на стол бумагу, подчиненный сразу понял, что совершил ошибку, – генералу было явно не до чтения, тем более серьезных вещей. Подхватив бумагу, Микола стал читать:

– Узбек, он же Тахиров Владимир Алиевич, шестьдесят пятого года рождения, уроженец Киева, отец умер во втором году, мать в пятом. Офицер Российской армии в отставке, уволен из рядов вооруженных сил в звании майора. Проходил службу в сто семьдесят третьем батальоне спецназа в Демократической Республике Афганистан, потом – в двадцать второй бригаде спецназа в Ичкерии. Награды – орден «Красная Звезда», медали «За отвагу» и «За бое-

вые заслуги», орден Мужества. За Афганистан представлялся к званию «Герой Советского Союза», но награды не получил. После увольнения из рядов вооруженных сил занялся коммерцией, открыл частную транспортную компанию, довел парк до шести машин, потом все продал. Заброшен в Украину с целью организации подрывных и террористических действий, убийств высокопоставленных лиц. Военно-учетная специальность – разведчик. Русский фашист и империалист, входит в «Союз ветеранов», организацию, признанную террористической по индексу подрывных и террористических организаций Госдепартамента США. Проходит по спискам чрезвычайной опасности, владеет всеми видами оружия, умеет организовывать диверсии, ставить и снимать фугасы, использовать тяжелое оружие, такое, как огнеметы и ручные зенитные комплексы. Имеет значительный боевой опыт. Аналитики считают, что при задержании будет отбиваться до последнего, может покончить с собой подрывом гранаты. Взять его живым будет почти невозможно.

– И не надо, – отреагировал генерал, – не надо живым, а то мало ли... Ты мне скажи – мы через кого его ведем?

– Щичко Любовь Михайловна, сорок шесть лет, уроженка Киева, любовница Узбека и наш осведомитель.

– Как же мы его подцепили?

– Никак. Это его старая любовь с давних лет. Сам к ней пришел, придурок.

Генерал кивнул головой – и впрямь придурок.

– А эта... Щичко, она на идеологии работает?

– Никак нет, – улыбнулся Мыкола, – какая там идеология... У нее дело было, еще до освобождения, потом она стала гуманитаркой приторговывать, с поляками у нее были дела – конфискат через нее налево пускали. Потом на нее эти полицаи наехали... вы же знаете, пан генерал, они совсем никаких краев не видят, на ходу подметки рвут. Она и пришла – мол, защитите... Мы с нее расписку взяли, потом с полицаями встретились, объяснили им, что к чему, – они отстали, поняли, чем пахнет. Так она в разряде спящих была, давала кое-какую информашку, водяру левую через нее можно было слить. А потом объявилась – друг к ней старый пожаловал. Мы его проббили...

Генерал перелистал рабочий календарь – все верно. Сегодня – визит. Заместитель госсекретаря по делам Восточной Европы Стэнли Долан прибывает на два дня, встречать его будет руководитель гражданской администрации Украины Польш Рэгнер. Несмотря на то, что в Украине существовало временное правительство – по-настоящему Украиной управляли именно Рэгнер и его люди, и если есть на свете места с максимальной концентрацией миллионеров, так это здание, где разместилась гражданская администрация Украины – бывшая резиденция местного президента на Банковой. Только лох мог работать там и не быть миллионером.

Хорошо. А ему-то что от этого? Ну, допустим – он предотвратит – и что? Ему-то что от этого? Какой навар?

– Мы получили что-то от этой оперативной разработки?

– Так точно, пан генерал. Вскрыто пять предателей, в том числе один – убежденный кацап. Благодаря Щичко мы вышли не только на особо опасного террориста, но и на сеть, которую он тут создал.

Хорошо... Допустим, они его возьмут, не допустят теракта, а то, что кацап нацелился именно на визит, в этом нет вопросов. А дальше что? Их просто похлопают по плечу – хорошие парни...

А вот если они возьмут кацапа уже ПОСЛЕ теракта – тут дело другое. Громкое дело – покушение на заместителя госсекретаря США! Русский террорист! И получится у кацапа убить его или нет – неважно. Самое главное, что это будет громкое дело, и оно почти сразу будет раскрыто. Им, генералом Стыщорой! Тут можно и на орден рассчитывать, и на премию, и даже на высокий пост – уже не начальника департамента, а самого главы полиции безопасности. Американцы умные люди, они любят и умеют поощрять верных им людей – тем более что нынешний глава, генерал Франтишек Барза, совсем спился...

К тому же, если гражданской администрации немного напомнить, что они находятся не в стране Эльдорадо с золотыми слитками под ногами, а в зоне боевых действий, – это тоже будет неплохо. Все дело было в том, что гражданская администрация, корпус реконструкции проворачивали делишки, а платить за безопасность не считали нужным. Они дума-

ли, что если нанять какую-никакую частную охранную компанию, типа ХЕ security, которая их охраняла, – этого будет достаточно...

Ан нет, дорогие вы мои! Вы на нашей земле, падлы! И если вы делаете здесь дела – платите нам, а то так и будете подыхать один за другим!

– Ты провел это по отчетности?

– Никак нет, – понятиливо улыбнулся Мыкола.

– Молодец...

Генерал напряженно думал – где они могут проколоться...

– Куда поступило сообщение?

– На мою мобилу. Личную.

Ага, значит, звонок в общем файле, откуда его уже не вычистишь, или... почти не вычистишь – не зафиксирован. Американцы могли, конечно, и телефон на прослушку поставить, но это вряд ли. Обычный человек – еще куда ни шло, но полицейский... У полицейского телефон просто так не прослушаешь, нужно обращаться в компанию, а в компании давно наши люди...

– Сделаем вот что. Выгоняй всех... я тебе цидульку сейчас напишу. Возьми фото Тахирова и еще пять-шесть других, раздай. На Тахирова конкретно не ориентируй – просто получена информация о возможности террористической атаки. Ничего необычного в этом нет, прокатит. Живым Тахирова не брать.

Мыкола снова понятливо улыбнулся.

– Понял...

– Задействуй снайперов. Объект особо опасен. Теперь. Как пройдет – вечером наведайся к этой... к агенту своему. Она как... ничего себе?

– Для меня стара, но так... ничего.

– Нормально. Сделай тогда... будто кацапы убили за предательство. Можешь трахнуть – не возражаю. Но делай все тихо. И личное дело ее почисти...

Генерал поднялся из-за стола, подошел к вскочившему подчиненному, похлопал покровительственно по плечу.

– Молодец. Хорошо работаешь. Иди...

Американцы все-таки кое-чего не поняли. И поляки – тоже. Поляки-то понятно, зачем сюда пришли – за землей, за Крэсами Восточными¹, за вековой мечтой о Речи Посполитой. А вот американцы... можете смеяться, но они сюда пришли не для того, чтобы унижить, растоптать и уничтожить Россию или помочь местным бандеровцам и своим союзникам-полякам против пророссийски настроенных украинцев и открытых русских, живущих на Украине. Можете мне не верить, но они пришли сюда не за этим. А пришли они для того, чтобы помочь хорошим парням справиться с плохи-

¹ *Крэсы Восточные* – так назывались территории, которые поляки отвоевали у нас после Первой мировой войны, и которые мы возвратили в тридцать девятом – Западная Украина и Западная Белоруссия.

ми парнями, создать собственное государство и зажечь, как все. Да, конечно, были и геополитические мотивы, не следует воспринимать американцев как наивных и бескорыстных людей, но основной-то посыл был именно в этом. Американцы до сих пор были сильными, но наивными подростками на сцене мировой политики, с типично подростковым максимализмом и подростковыми реакциями, а страны, существующие в несколько раз дольше, просто не могли это понять и постоянно искали в действиях США некий дурной умысел.

Но американцы в очередной раз просчитались – и здесь, на Украине, они просчитались куда страшнее, чем они просчитались в Ираке или Афганистане. Они пришли сюда, чтобы помочь хорошим парням, но дело было в том, что хороших парней здесь не было ни по одну из сторон баррикад. Местные, пусть даже истые, лояльные украинские националисты, свидомиты и бандеровцы, прошедшие огонь, воду и медные трубы постсоветского хаоса и четверть века украинского политикума, были не просто гнилыми – они были гнилыми до основания, до глубины, до самого доньшка. Любой грешник, греша, понимает, что творит грех и в душе страдает от этого, а вот эти считали грех чем-то нормальным, само собой разумеющимся и обыденным. Для этих людей убить, предать, совершить очередной в длинном списке акт жестокости было настолько обычным, что они даже и не задумывались над тем, что они творят. Просто они так жили раньше, их так научила жизнь – предай, пока не предали тебя, ес-

ли кто-то повернулся к тебе спиной – сунь ему нож в спину, не дожидаясь, пока сунут тебе. Затопчи, если кто-то упал, потому что, если он поднимется – то затопчет тебя вместе с остальными. Американцы, выросшие в нормальном государстве и нормальном, сохранившем какие-то ориентиры обществе, просто не могли понять этого уровня распушенности и зла, сталкиваясь с этим напрямую, они не могли найти иного объяснения происходящему, кроме не совсем здоровой психики.

Это были свидомые².

И генерал Олесь Стыцюра был самым обычным представителем свидомых. Когда встал вопрос – он просто предал поставивших его на должность американцев. Не задумываясь.

Узбек прошел аркой дома, не оглядываясь, не пытаясь поймать последний взгляд из окна той, что приютила его в огромном, полупустом и теперь чужом для него городе. Он знал – нельзя оборачиваться, надо смотреть только вперед...

На бывшем проспекте Миколи Бажана было довольно многолюдно, люди, те, кто продолжал жить в этом городе, спешили на работу, кто-то – в магазин, кто-то – еще куда по делам. Тротуар был теперь отгорожен небольшим, но крепким, посаженным на вбитые в землю стальные арматурины бетонным заборчиком примерно по пояс среднего человека

² *Свидомые, свидомость* – одно из базовых понятий украинской государственности. Сознательные, ненавидящие Россию.

– это для того, чтобы можно было укрыться при обстреле, и для того, чтобы никто не направил заминированную машину на толпу людей или на какое-нибудь учреждение. На стенах были большие белые проплешины – так краской замазывали лозунги сопротивленцев, вон там, например, после вчерашней ночи появился обычный для этих стен лозунг «Никто не уйдет!» – а сегодня его уже замазали. Город Киев и часть Киевской области были единственным местом в Украине, за безопасность которого отвечали американцы, – и они подходили к делу солидно. В потоке машин – привычные тяжелобронированные «Хаммеры», непривычно смотрящиеся в зеленом, а не светло-песчаном камуфляже. Транспортные колонны международных сил, обычные автомашины – бензин теперь был дорогой, и машин было немного, все старались передвигаться пешком. Многие оконные стекла оклеены специальной пленкой – чтобы не разлетались при взрыве. Американские солдаты, встречающиеся в толпе и выделяющиеся по оружию и камуфляжу, – рослые, в основном негры. Белых было мало, их использовали там, где нужны были именно белые, неотличимые от местных.

Люди молчаливые, идут в основном, смотря под ноги, быстрым шагом. На стенах – пропагандистские плакаты, призывающие вместе строить новое будущее Украины, и приказы оккупационной, тьфу – временной администрации. Кое-где – незашпаклеванные следы от пуль.

Вот когда вставали на Майдан – хоть один думал, что

будет это? Хоть один мог это предвидеть? А ведь вставляли...

Майор не был ни сторонником, ни противником тех, кто был на Майдане. Он просто знал, что город его – оккупирован врагом. И делал то, что считал нужным.

В кармане у него был аусвайс, свежий, непросроченный, и удостоверение сотрудника полиции порядка, тоже свежее и настоящее, выданное одним из патриотов, устроившимся на работу в полицию порядка. В английском языке было такое выражение *every day hero*, ежедневные герои. Вот такие люди и были ежедневными героями – они легализовывались, получали работу в госструктурах, в комитетах по реконструкции, получали заработную плату и подлинные документы. И вредили, каждый день вредили – тихо, незаметно, методично и осознанно. Выдавали явным подпольщикам подлинные документы, предупреждали о засадах и облавах, запускали вирусы в базы данных, уничтожали архивы, искажали передаваемую информацию. Все – и американцы, и поляки, и румыны – понимали, что они медленно вязнут в этой войне, с неумеренным энтузиазмом и жестокостью одних и тихим, методичным сопротивлением других. Но сделать уже ничего не могли.

По проспекту Бандеры он подошел ближе к транспортной развязке на съезде с Южного моста, достал из кармана сигарету, закурил. Огляделся по сторонам – чуть дальше стоял мотоцикл, на нем сидела парочка. Дама прикрылась шлемом

с глухим, светонепроницаемым забралом, лицо парня было открыто. Клок белобрых волос падал ему на глаза, вылезая из-под шлема, парень тоже курил. Значит – все в норме...

Майор глубоко вдохнул чистый, прохладный воздух, который ветерок нес с Днепра, задержал дыхание – и выдохнул. Потом еще раз.

Готов...

Два клинка, выкованных по собственному эскизу и сильно похожих на кинжалы британских командос типа Фэрберн-Сайкс, только с обмотанными шнуром рукоятями, ждали своей минуты в пристегнутых к рукам ножнах. Больше у него никакого оружия не было.

Он взглянул на часы. Почти пора, еще минут двадцать, не больше... Дальше по дороге стоял пушечный БТР эсэсовцев, готовый в любой момент перекрыть движение, пропуская конвой...

Рядовой сичевых стрельцов (СС) по имени Иван Беньюх был, в общем-то, неплохим в душе человеком, было бы несправедливостью называть его карателем или палачом собственного народа, он никогда не стремился им быть и никогда себя не рассматривал в этом качестве. Просто он был пацаном из Тернопольской области – вот и все.

Тернопольская область и до освобождения³ была про-

³ *Освобождение* – так называлась миротворческая операция Объединенных сил. Под освобождением, конечно же, понималось освобождение от русских ок-

блемной. Только в Советском Союзе работы хватало для всех. Возьмем типовой городок Западной Украины – до развала СССР в нем была какая-никакая швейная фабрика, или фабрика резинотехнических изделий, или ремонтная фабрика для автомобилей или сельхозтехники, или игрушки какие-никакие выпускали. Где-то – механический или машиностроительный заводик, в СССР половина заводов так называлась. Плюс, конечно же, питание – хлебозавод, мясокомбинат, молокозавод, часто еще и консервный завод или ликеро-водочный – большинство из того, что производилось колхозами и совхозами района, тут же и перерабатывалось. Иногда небольшие заводики были и в колхозах-миллионерах. Да, да, были и такие колхозы, и было их немало – не все колхозы были убыточны, как потом кричали, иные жили и процветали. Еще обычно в районе – в райцентре или в одном из колхозов – был кирпичный заводик или завод ЖБИ⁴, – но это только если сырье рядом бывало. Строиться-то тоже надо. И получалось в итоге так, что работы какой-никакой, но честной, хватало на всех, и даже рабочих рук не хватало.

Потом, как развалился СССР, – работы не стало как-то разом. Это было удивительно, но это было так: вот как-то все работало, и вдруг раз – и перестало работать. Предприятия позакрывались, и даже не потому, что их продукция не выдерживала конкуренции с польской и китайской производи-

купантов.

⁴ Железобетонных изделий.

ей, просто директора становились их хозяевами, и если где-то они относились к делу по-хозяйски, то где-то – просто разворовывали, распродавали то, что можно было продать, и исчезали в неизвестном направлении. Удивительно, но ни в одном маленьком городишке ни один человек, видя, что лишают работы его и его детей, лишают их будущего, не попытался куда-то выйти, заявить протест, помитинговать. Причем часто лишали те же директора, которые в этом же городе жили, которых все знали и даже уважали. Это в четвертом году, когда автобусами собирали на Майдан и платили по пятьдесят долларов сразу, все пошли. Пятьдесят долларов ведь – реальные деньги, тут многие зарплату меньше получают, а делов-то всего – постоять да поорать на площади: «Ющенко» да «Кучма, геть!». Это тебе не работу собственную отстаивать да будущее своих детей, ведь тут разобраться в чем-то надо да на себя ответственность какую-то брать. А тут – Кучма, геть – и все тут. Как Кучма геть – так сразу счастье наступит.

Как заводы разворовали, колхозы развалили, работы не стало – жить стали по-разному. Кто-то в челноки подался, китайский шмурдяк⁵ привозить да продавать. Кто-то на натуральное хозяйство перешел. У кого голова работает – в люди выбился, бизнесом занялся, их за это ненавидели. Кто-то политиканствовать пошел – чем хуже были дела в стране,

⁵ *Шмурдяк* – из сленга челноков. Означает низкокачественные вещи, которые в Китае продаются на вес.

тем громче произносились речи с трибун. Ну а большинство – в заробитчане подались, кому повезло: документы выправил да язык как-нибудь знает – тот в Европу. Кому не повезло – в Россию.

Потом, кстати, выяснилось, что повезло-то как раз тем, кто в Россию. Хохлы в основном сконцентрировались в торговле да в стройке. Особенно в стройке: в русских городах, особенно в Москве, строили много, требовалось много дешевой рабочей силы. Чернорабочие – киргизы, таджики, узбеки, а вот квалифицированную работу им уже не доверишь, тупые, как ослы, и языка не понимают. Поэтому в Москве даже классический тип строительной бригады сложился: бригадир – русский, он же с заказчиками договаривается, прораб и мастера по сложным специальностям – хохлы, а чернорабочие – с Кавказа или Средней Азии. Хохлы на этих работах получали достаточно, у хорошего спеца тысячи по две баксов в месяц выходило, это даже для России хорошие деньги, а для Западной Украины – космические. Многие заробитчане, годами в России работая, окацапились – кое-кто туда переехал сразу, а кое-кто, как началось освобождение, – в беженцы подался. Думали – беженцев Европа принимать будет – да только Европе беженцы с Украины и на... были не нужны, вот и побежали в Россию, тем более что в тот год Россия много принимала народу. Пусть на чужбину, пусть в России хохлов по понятным причинам теперь не любили, но это лучше, чем на родине...

Иван Бенюх родился в бывшем нормальном – а теперь захудалом, развалившемся колхозе. Кто-то оттуда уехал, а кто не уехал – вели натуральное хозяйство и пили горькую. Отец Ивана умер, когда ему было восемь лет – отравился некачественным самогоном, куда добрая душа для крепости добавила толченый димедрол. Мать, издерганная запоями отца, нищетой и горбатым, тяжелым крестьянским бытом, постоянно была и его, и двух его сестер. В школу они ходили, но преподавали им плохо, потому что по-русски преподавать запрещалось, а на украинском преподавать никто не умел, да и дети плохо понимали. Старшая сестра, окончив восемь классов, подалась в Москву, на заработки – понятно, кем. Младшая жила с ними, и выбор у нее был небольшой – либо остаться здесь и выйти замуж за еще одного запойного алкоголика, либо тоже в Москву, на заработки...

Освобождение Иван помнил плохо. Киев, с его политическими дрызгами, с миллионерами с депутатскими мандатами, со всем безумием финансовых афер и с Савиком Шустером, программу которого один умный человек назвал «убийством страны в прямом эфире» – был страшно далек от маленькой западноукраинской деревушки. Все общение столицы с народом ограничивалось выборами, когда на них обращали внимание, да местным «головой», который усиленно набивал свой карман взятками. Жили здесь в основном натуральным хозяйством да переводами заробитчан – даже цена на водку мало интересовала местных жителей.

Пили самогон...

Какой-то проблеск надежды был после выборов четвертого года, после Майдана – тогда к власти пришли вроде как свои, львовские да тернопольские. Только придя к власти, они разом забыли то, о чем обещали на Майдане тогда, и начали набивать карманы, делая это еще наглее, чем прежняя власть. Политиканствуя, они стали уже героями анекдотов, а публично выливаемая друг на друга грязь вкупе с обвинениями в предательстве Майдана не породили к ним ничего, кроме презрения. А это самое страшное, потому что страна, в которой народ презирает власть, существовать не может. Дееспособная власть может вызывать самые разные чувства – ненависть, страх, любовь, энтузиазм, – но только не презрение.

Когда в Киеве началось – народ оживился. Жили все уже в предел плохо, банкротились банки, останавливались производства, хотя это опять-таки не касалось жителей мелкой тернопольской деревушки, ибо сбережений не было ни у кого и на производстве почти никто не работал. А оживились все, потому что думали, что опять потребуются их вмешательство, и опять будут ездить по району автобусы, и все уже настроились просить не по пятьдесят долларов, а по сто. Жизнь дорожала, и даже доллар терял в своей стоимости, что уж было говорить про бедную гривну...

Но их вмешательство не потребовалось. Власти Украины, напуганные начинающимися беспорядками, по образцу,

а может, и по совету России, приняли жесткие меры, в Киеве, на взлобке Крещатика, на Банковской, пролилась первая кровь. А потом понеслось... львовский путч оуновцев, крымский кризис, малороссийский мятеж. Страна расплывалась на куски, как льдина, несомая к неизбежному концу быстрыми тальми водами. В прогалы между стремительно расходящимися друг от друга кусками некогда целой льдины, в холодную весеннюю воду падали люди. Падало много, и что самое страшное – никто даже не пытался их спасти, наоборот, сталкивали новых, чтобы освободить место на льдине и остаться на ней одному...

День освобождения – день, от которого начиналась история отсчета новой Украины, он помнил хорошо. В тот день было сумрачно, туманно, какой-то странный холодный туман лег на землю, и этот туман не проходил, хотя часы уже пробили полдень. С самого утра над головой гудело, и они не понимали, что это, а потом приехал дядя Митяй, непривычно трезвый и бледный, и сказал, что от Львова по шоссе идут танки. Много танков. Дело было, в общем-то, привычным, дядя Митяй пил не меньше других, благо пенсию по инвалидности получал, которую в последнее время все больше задерживали. Тут не то что до танков – до зеленых чертей и розовых свинок допивались, потому подумали, что у дяди Митяя начала белая горячка, и его начали лечить, как водится, самогоном. Но танки от этого не пропали – на следующее утро они проснулись и увидели в селе несколько незнакомых

машин, с синими флагами со звездой и бело-черно-синими полосами. Это были эстонцы. . . небольшой вспомогательный контингент, который решили поместить там, где не ожидалось особых проблем, и пока бронеприкрытие поляков прорывалась вперед – эстонцы остались здесь. Они обосновались в старом двухэтажном здании школы, заявив, что уроков не будет, выставили посты и вывесили над школой свой флаг. Местные сначала боялись подходить, потом подошли, но эстонский солдат на посту выставил угрожающе автомат и начал кричать по-русски, чтобы они не подходили к периметру – русский язык все еще оставался универсальным на всей территории бывшей империи. Потом какая-то группа, в которой был переводчик на украинский с английского, пошла по домам: в каждом доме переписывали жителей, снимали отпечатки пальцев, давали немного консервов и пятилитровую бутылку какой-то воды. С общением тут тоже были проблемы: эстонцы кое-как выражали свои мысли на английском, переводчик еще хуже переводил эти мысли на украинский, но русским, который знали все, не решался воспользоваться никто. Потом, кстати, местные узнали, что все солдаты худо-бедно говорят по-русски, но только когда рядом нет начальства, а так за любое слово по-русски их штрафуют. Вместе с консервами (просроченными) и водой им давали листовки, в которых на украинском (с ошибками) и на английском говорилось, что солдаты пришли сюда для того, чтобы не допустить кровопролития, помочь им продви-

нуться по пути демократии и войти в европейское содружество наций. Удивительно, но эстонцы отказывались выпить спиртное, хотя в некоторых домах им его предлагали. В их доме один из эстонцев подозрительно жадно смотрел на его младшую сестру и что-то сказал, но главный среди эстонцев резко ответил ему, и на этом все кончилось.

Оккупация их области свершилась быстро и почти без жертв – в одной из деревень седой, полусумасшедший ветеран еще той, давней войны, увидев миротворцев, выбежал из дома с ружьем и выпалил в них: один из солдат был тяжело ранен, а старика скосили очередью с БТР. Видимо, безумный старик принял миротворцев за гитлеровцев. Это был один из последних оставшихся в живых ветеранов той, почти уже всеми забытой войны...

Потом, через несколько дней, дошли слухи, что поляков сильно потрепали в Днепропетровске, пропустили в город и открыли огонь по бронеколоннам. Переправиться через Днепр они смогли с большим трудом, а по линии Павлоград – Лозовая и дальше их остановили, и сейчас там идут бои. Притихли и эстонцы, если раньше они выходили в село, чтобы договориться с женщинами, – женщин они любили, в отличие от спиртного, – то теперь они закрылись в школе и не выходили оттуда. А через день в село приехала большая делегация, их собрали перед развалинами бывшего сельского клуба, и какой-то пожилой дядька в красивом камуфляже долго агитировал их через мегафон вступать в украинскую

армию, потому что кацапы пошли в наступление и только они, представители славного украинского народа с большим опытом противостояния русскому империализму, могут спасти ридну неньку Украину от русского вторжения. Получасовая речь, подготовленная обосновавшимися в Киеве американскими специалистами по психологической войне, на самом деле могла уместиться в несколько слов, только их поняли жители этой маленькой деревеньки, и только они имели значение – зарплата будет в долларах.

Записался и Иван. А что в деревне сидеть? Сестра уже выросла... вон, с эстонцами гуляет, а мать, как обычно, прикладывается... каждый день. Тут хоть зарплату хорошую обещают и автомат...

Все кончилось быстро – он только успел пройти краткий двухнедельный курс подготовки, где проникся лютой ненавистью к полякам: польский капрал, который их учил, за любую провинность любил сбивать их с ног, вставать сверху и мочиться на них. Неизвестно, как бы пошло это дело дальше и против кого бы повернули оружие обученные таким образом «хохлы», но тут американцы вмешались по-серьезному. Он помнил, как они шли по четвертой дороге на Донецк, и то тут, то там виделись столбы дыма от горящих боевых машин, а над колонной постоянно пролетали самолеты, избавлявшиеся от своего смертоносного груза где-то вдалеке. В боях он успел поучаствовать совсем немного, их специально не гнали вперед, даже притормаживали, чтобы дать бежен-

цам и прочим «нежелательным элементам» уйти в Россию вместе с остатками русской группировки вторжения и некоторыми частями бывшей украинской армии. Он убил только двух человек при зачистке Луганска... и еще своими глазами видел неуловимого снайпера, который три дня терроризировал целый полк миротворцев. Ликвидировала его спешно вызванная из Киева американская антиснайперская группа, им досталось только посмотреть. Труп снайпера, его снаряжение и оружие – все забрали американцы.

Потом его, конечно бы, выкинули из армии спешно, набранных «охочих»⁶ старались не оставлять, в новую армию вербовали бывших ментов, оуновцев, желательно с боевым опытом, отставных военных, если те соглашались, а с двумя неделями обучения никто не был нужен. Но Ивану повезло – он встретил землю... из той же самой деревни, из которой он происходил сам, и земля этот был младшим офицером, имел возможности. Вот он за него словечко и замолвил.

По окончании учебного центра – уже трехмесячного – Ивана в числе прочих распределили в Киев, направление считалось «козырным», потому что Киев держали американцы, а у них можно было много чему научиться, а если повезет, то и грин-карту получить. Но американцы были необщительными, неразговорчивыми, да еще и с языком у Ивана были проблемы. В общем грин-карта в этой жизни ему точно не светила.

⁶ Добровольцы (укр.).

Да, еще и обманули его. Зарплату им платили не в долларах, а в гривнах, к которым в этом году уже пришлось пририсовать ноль.

Сегодня было самое обычное для Киева мероприятие – участие в оцеплении. Создание периметра безопасности – вот как это правильно называется. У них было много пикапов и несколько бронетранспортеров, в том числе пушечных – их ставили на самые важные участки. Их БТР достался им от кацапов, на него вместо разбитого двигателя от «КамАЗа» на ремонтном предприятии поставили более мощный и экономичный «Ивеко», а кроме того – поставили кондиционер, летом он был предметом зависти для всех, у кого его не было. БТР был вооружен русской тридцатимиллиметровой пушкой, которую никогда не использовали в городе, но снаряды для нее были. Еще был пулемет – более полезная штука, один раз им пришлось воспользоваться, когда машина на чекпойнте пошла на таран. Думали, террорист, оказался какой-то придурок бухой с бабой... туда им и дорога, в общем.

В Киеве Ивану нравились две вещи. Первая – это женщины. Женщины здесь были совершенно особенные, от них пахло духами и дезодорантом, а не по́том и навозом, они были высокими и стройными, а не коренастыми, измотанными работой, вечно злыми, как у них в селе. Конечно, денег хватало не на многое... но раза три в месяц можно было себе позволить... Тем более что гривны дольше хранить смысла не было – они обесценивались. Второе – это наркотики. Тра-

ва... за которой сейчас пошел Марек, он же Мартин, их сослуживец, он знал, где достать в городе. Кокаин... кокаин для него был слишком дорог, это для больших людей. Колеса... иногда удавалось раздобыть, и это был большой праздник, но первейшим делом для солдата была марихуана...

В люк БТР, который между колесами, постучали: Иван, который был ближе всего к нему, посмотрел на сержанта.

– Открой, – сказал сержант, – наверное, это Марек.

Но это был не Марек. Вместо него там был какой-то мужик – среднего роста, в гражданском, в легкой куртке, с проседью в волосах...

– Что надо?

Вместо ответа мужик ткнул ему в лицо удостоверение и полез внутрь.

– Полиция...

Неужели Марек с травой...

Сержант недоуменно посмотрел на него.

– В чем дело?

Капитан показал удостоверение и ему.

– Усиление от полицейского управления. План «Цепь», верно?

«Цепью» назывался типовой план по обеспечению безопасности при визитах высокопоставленных делегаций.

– Нас не предупреждали о том, что будет кто-то из полиции.

– Еще бы вас предупредили, для того контроль и есть.

Кстати, вас должно быть восемь человек – а вас семь. Где еще один?

Только бы придурок Марек не сунулся в десант с кульком травы наперевес и радостным криком... он ведь может...

– Пан, э...

– Пан капитан.

– Любезный пан капитан, он отошел... по большому делу.

Капитан взглянул на часы.

– По большому делу надо ходить в казарме, а не во время обеспечения. Если не появится через десять минут – запишу нарушение...

В то время, как неизвестный полицейский капитан смотрел на часы, – в аэропорту Борисполь, используемом сейчас и как военный, и как гражданский объект, – заходил на посадку самолет «С-137» ВВС США, в просторном, хоть и устаревшем салоне которого летели всего лишь несколько человек – в том числе заместитель директора ЦРУ США и заместитель государственного секретаря США по вопросам Восточной Европы Стэнли Долан II.

На самом деле – никаким II он не был, и даже первым он тоже не был, потому что к числу потомков первых поселенцев не относился, Гарвард и Йель не оканчивал и мультимиллионером не был. Он всего лишь был сыном польского эмигранта, который на родине был диссидентом, а в США стал санитаром в больнице. Так он и умер, не добившись успеха, не покорив Америку, но успел передать сыну лютую нена-

висть ко всему русскому и к России. Сын же добился немало-го и намеревался добиться еще большего – радикалы в пар-тии рассматривали его как приемлемого кандидата на пост госсекретаря США в следующей администрации.

Станислав Долинский родился в одном из захудалых рай-онов Нью-Йорка, потому что его родители не могли себе поз-волить иного жилья. С самого детства его били. Вокруг жи-ли большей частью негры, а для негра белый – как красная тряпка для быка. Тем более такой белый – высокий, несклад-ный очкарик, говорящий по-английски со странным, шепе-лявым акцентом и ненавидящий баскетбол.

Долгие годы жизни во враждебном окружении кое-чему научили Стэна (Станислава) – по крайней мере, в муници-пальной школе его уже никто не бил. Как-то так получалось, что одни его противники били других, а Стэн оставался це-лым и даже верховодил целой шайкой отъявленных хулига-нов-негров. К совершеннолетию ни один из них не был су-дим, даже как несовершеннолетний, и в этом была заслуга Стэна. В настоящее время многие из той нью-йоркской ком-пании добились кое-чего в жизни – один был судьей, второй – полковником морской пехоты, третий – помощником од-ного из самых авторитетных сенаторов США. Все они пом-нили Стэна и то, что он для них сделал, – а Стэн помнил их.

В политику он пошел сознательно – рано понял, что в Америке есть никем не признаваемые квоты по меньшин-ствам, и это касается не только женщин, черных и латиносов.

В республиканской партии существовало сильное польское лобби, они были за редким исключением бóльшими американцами, чем сами американцы. Стэн примкнул к ним с юношеских лет, он разносил плакаты партии и дежурил как волонтер на участках, он собирал пожертвования и агитировал за кандидатов. Стоит ли удивляться тому, что в партии его заметили. Нужного образования – юридического – у него не было, но он был потомком эмигранта из Восточной Европы, знал польский язык и имел собственное, громогласно провозглашаемое мнение по всему, что происходило в тех краях. Его заметили и выдвинули, когда Польша заменила Германию на месте самого верного и самого сильного союзника США в Европе, готового поддержать в чем угодно. Сначала Стэн работал три года в посольстве США в Варшаве, потом его перевели в госдепартамент – и как раз вовремя: демократы бы его никогда не назначили. Отсидевшись при демократах, при перевыборах Стэн вытащил джекпот и был назначен заместителем государственного секретаря по делам Восточной Европы. И вот здесь-то Стэн Долан развернулся во всю ширь...

Еще отец его учил – главное – Польша! А во всем виноваты – русские. Русские виноваты в том, что Речи Посполитой больше нет. И пока есть русские – ее и не будет. Именно на Польшу Господь возложил великую цивилизаторскую миссию – окультурить восток, и именно Речи Посполитой должны отойти в будущем все земли до Урала, а если повезет – то

и за ним. Только польские аристократы, шляхта могут окультурить эти дикие земли. Странно, но отец, работая в больнице санитаром, искренне считал себя аристократом до самой своей смерти. Аристократом считал себя и Стэн Долан.

С самого начала Стэн Долан начал продвигать идею нападения на Россию. Сейчас, когда стало понятно, что на Украине *увязли*, и не ради американских интересов, – в этом привычно обвинили ЦРУ. И никто не поверил дежурным оправданиям разведчиков, а стоило бы. Потому что именно Долинский и польская группа влияния в Госдепартаменте, министерстве обороны и Конгрессе серьезно исказили информацию, предоставленную разведкой. Разведчики, как обычно избегая ответственности, в ответ на запрос по украинской ситуации, с каждым днем обостряющейся, представили меморандум на восемьсот восемьдесят страниц, в котором при желании можно было найти все, что угодно. Но именно Долан выдернул из него только те части, которые говорили о необходимости вооруженного вмешательства в конфликт на стороне Польши и за удар по русским частям миротворцев. Хотя... положила руку на сердце, какие там, ко всем чертям, миротворцы – миротворцев там и не было никогда. Просто на первом этапе конфликта Россия и Польша *схлестнулись*, как бывало уже не раз, и за земли, за которые схлестывались тоже – не раз, просто не прикрывая это миротворческими лозунгами. И Украина – раскололась, как была расколота до этого, на прорусскую и пропольскую части, отличные друг от

друга настолько, что было бы смешно называть их единым украинским народом. А потом американцы вмешались и поставили жирную точку, вот только слишком много чернил пролили. Красных... И точка превратилась в запятую...

Сейчас Стэн Долан был уже пятые сутки в дороге – мадам президент, недовольная происходящими событиями, отправила его в турне по Восточной Европе. Все дело было в том, что миротворческая операция на Украине, вместо того чтобы укрепить европейское единство на платформе, удобной и выгодной США, фактически расколола Европу. Старая Европа во главе с Германией, Францией и примкнувшей к ним Италией осудила действия миротворцев на Украине, отказалась давать какие-либо воинские контингенты либо участвовать финансово в операции по реконструкции. Тем самым они переложили все финансовое бремя и всю ответственность на «младоевропейцев» во главе с Польшей, а фактически на США, потому что финансовые дела у младоевропейцев шли совсем не блестяще. В составе младоевропейцев единства не было никакого – Венгрия, например, не только не приняла участие в миротворческой операции, не только встала на сторону Германии, а соответственно и России, но и воткнула миротворцам нож в спину, потребовав от Румынии передать ей Трансильванию. Вообще вся миротворческая коалиция, призванная умиротворять огромную, размером в треть США, страну держалась только на Польше и Румынии, причем Румыния была занята еще и интеграци-

ей бывших своих земель, отнятых у нее Сталиным и названных «Молдавия». Свои контингенты прислали Латвия, Литва, Эстония, Хорватия и Словакия. Чехия отказалась присылать военных, но помогла врачами и гражданскими строителями. Хорватия не могла действовать в полную силу, а другие страны, выделившиеся из состава бывшей Югославии, и вовсе поопасались отправлять куда-то свои войска, потому что их и так было мало, а на оставшиеся без защиты страны могли в любой момент напасть либо косовские мусульмане-экстремисты, либо сербские славянские фашисты, которые были ничем не лучше русских фашистов. Участие в миротворческой операции, изрядно затянувшееся, подорвало финансовые дела Польши настолько, что Германия обещала на ближайшей сессии стран – членов еврозоны поставить вопрос либо о передаче финансовых дел Польши под контроль внешних управляющих, читай банкиров из Берлина, либо исключить Польшу из еврозоны за непрекращающийся рост дефицита бюджета. И то и другое закончилось бы катастрофой, потому что, придя управлять польскими финансами, немцы первым делом бы обрезали все статьи расходов по интеграции Украины.

Перед выездом в Европу Стэнли Долан обежал весь Вашингтон, чтобы ехать не с пустыми руками. Он встретился с группой финансистов, которые пообещали надавить на Германию, чтобы та не делала резких движений, – в противном случае угрожая предпринять спекулятивную атаку на евро.

Он побывал в Пентагоне и договорился о поставке Польше еще тридцати старых танков «Абрамс», пятидесяти бронемашин морской пехоты LAV старых моделей, более двухсот единиц другой различной техники и двадцати вертолетов «Хью-Кобра». Все это добро было законсервировано в ожидании третьей мировой войны и теперь потихоньку расходовалось на поддержку самых разных «друзей». Техника была давно оплачена «дядей Сэмом» и сейчас стояла без дела, поэтому ее ему выделили легко, с тем условием, что Польша вывезет ее к себе за свой счет, но предупредили, что кубышка скоро исчерпается. Проблема была еще и в том, что сейчас на вооружении Польши, например, было аж три типа основных танков – собственный «РТ-91 Тварды» разной степени модернизации, германский «Леопард 2А4», выделенный Польше еще во времена оные, когда Европа была единой, и американские «М1 Абрамс», тоже разной степени модернизации. Вся эта техника была принципиально разной по конструкции (так, например, на «Абрамсе» двигатель – турбина, а на «Леопарде» – дизель), требовала для ее обслуживания различных запасных частей и расходных материалов, требовала специалистов, обученных как обслуживанию, так и боевому применению этой техники: механик-водитель, например, не мог без переучивания пересесть на «Абрамс» с «Леопарда». Все это добавляло еще больше проблем в и без того сложную ситуацию.

Последним, кого посетил Долан, был легендарный гене-

рал Стэн МакКристал, выходец из спецназа, сейчас – помощник председателя объединенного комитета начальников штабов. Примерно прикинув ситуацию по карте и сверившись со списком сил, имеющихся в Украине в настоящий момент, генерал заявил, что для контроля ситуации туда нужно вводить не менее двух легких и одной бронетанковой дивизии, а также начинать активные действия авиации и спецназа по уничтожению ключевых узлов подготовки боевиков и наиболее активных лиц сопротивления на территории России. Если же это сделано не будет, то самое лучшее, что может сделать Америка – это вывести оттуда все силы, какие у нее есть, и понаблюдать за развитием событий со стороны. Больше ничего толкового от генерала добиться не удалось, более того – в конце разговора он нахамил заместителю государственного секретаря США, обвинив его в самонадеянности и дилетантизме.

Первым пунктом, где Стэн Долан остановился на пути в Украину, был Берлин – сейчас неофициальная столица «старой» Европы. Берлин встретил его не по-весеннему холодным ветром, толпами демонстрантов, выкрикивающих «Смерть США!», и не менее холодным приемом германского бундесканцлера. Переговоры, в которых участвовал министр финансов с фамилией из пяти слов, среди которых были «фон» и «цу», которую Стэн Долан не в силах был правильно произнести, сразу перешли в угрозы, и Стэн Долан был вынужден бросить на стол последний козырь. Он ска-

зал, что если Германия будет сознательно подрывать мирный процесс на Украине, то США будут вынуждены предпринять меры по ослаблению экономики Германии, потому что еще со времен Второй мировой войны Германия находилась в экономическом рабстве у США и была вынуждена держать свой золотовалютный запас в США. Но Долан не знал, что буквально перед этим германский министр финансов на совершенно секретном совещании в Швейцарии обговаривал детали плана «Ост» – плана перевода части мировой торговли с Россией и Китаем на взаимные клиринговые расчеты, которые должен был обеспечивать находящийся в Швейцарии нейтральный расчетный орган. Таким образом, уже сейчас готовился план по свержению Америки с ее финансового пьедестала и отсечения того, что еще можно спасти, от того, что уже спасти нельзя. Ни у севера Европы, ни у России, ни у Китая не было таких проблем, которые не могли быть решены обычными методами, экономической терапией, а вот у США такие проблемы были, и их решить можно было только хирургическим путем.

Если ты видишь, что закопался, прекращай копать. Немец хорошо знал эту народную мудрость и, глядя через стекла дорогих очков в золотой оправе в мерзкое, наглое лицо поляко-американца, понял, что новый план «Ост» надо доводить до ума как можно быстрее. В конце концов, Германия в этом союзе займет место, какое ей и полагается занимать, – производителя лучших в мире, самых качественных, надежных

и долговечных товаров, за них она попросит столько, сколько они стоят, – и получит эти деньги. На самом деле – экономический союз Евросоюза, России и Китая глубоко рационален, потому что каждая страна занимает в нем полагающееся ей место. Евросоюз, читай, Германия и Франция, предоставят новейшие технологии и товары высшего качества, великолепно отлаженную банковскую систему. Россия – безграничные пространства, рационально хозяйствуя на которых, можно накормить всех жителей земли, сырье для переработки, дешевую атомную и гидроэнергию и, самое главное, свою военную мощь, ракетно-ядерный зонтик. Китай – огромное число потребителей, трудолюбивый народ и промышленность, способную производить много дешевых товаров. Если даже Китай не согласится – он давно посматривает в сторону США – то объединение Европы с Россией способно выжить само по себе, создав полузамкнутую экономическую систему, богатую всеми видами ресурсов. А русское и французское атомное оружие, вместе с одной из сильнейших в мире германской армией, защитит их от попыток США перевернуть шахматную доску. В этом новом мире Германия, чьим основным богатством являются рациональные, трудолюбивые и кропотливые немцы, займет то место, какое ей и полагается занимать по праву. То, что не удалось завоевать его прадеду, прусскому барону, служившему в вермахте, завоеует он, без единого выстрела. Да, так все и надо сделать...

Следующей остановкой была Прага, где госсекретаря

ждал еще один неприятный сюрприз. Дело было в том, что Чехия – самая промышленно развитая часть Австро-Венгерской империи – всегда тяготела к Германии, как духовно, так и финансово, и ни советская оккупация, ни состоявшаяся раньше германская не смогли это изменить. Чехия не только не дала свои войска для миротворческой операции, только врачей и строителей, но настояла на том, чтобы разместить их в самом спокойном, западном секторе. На сегодняшний день у Чехии уже возникли жесткие конфликты с Польшей, которая считала эти земли своими, – и перед госсекретарем в Праге был жестко поставлен вопрос: ради чего Чехия участвует во всем в этом? Дело было в том, что в составе Украины была небольшая часть земель – в Закарпатье, – которая раньше принадлежала австро-венграм, наследниками которых могли считаться чехи и словаки. Намек был толстый, как пожарный шланг, и заму госсекретаря с трудом удалось уйти от прямо поставленного вопроса: поддержит ли США Чехию, если та будет претендовать на контроль над этой территорией в будущем. Если нет – то...

Не исключено, что чехов научили этому немцы.

В Братиславе, столице Словакии, удалось немного отдохнуть – там жестких вопросов не ставили. Оно и понятно – на участие в миротворческой операции Словакия выделила... роту!

В Загребе, столице Хорватии, царил националистический угар – все более и более было очевидно, что на Балканах вот-

вот *вспыхнет*. Хорватия, как и все мелкие балканские государства, была издревле склонна к национализму, причем в самых крайних, агрессивных его проявлениях. В этом регионе у каждого государства был план, как стать великим, конечно, за счет чужих территорий. Экономическая ситуация в стране ухудшалась, политически страна раскололась надвое: на проамериканскую и прогерманскую части. Прогерманская часть страны настаивала на немедленном выходе из состава миротворцев и присоединении к союзу старых европейских элит против США. Проамериканская часть манипулировала откровенно фашистскими лозунгами, выдвигая идею Великой Хорватии – за счет Сербии, естественно.

В самой Сербии тоже было беспокойно – славянские фашисты рвались к рулю, но и не только в Сербии. Экономические проблемы в сочетании с проблемой беженцев, в основном мусульман, по всей Европе приводили к резкому росту популярности крайне правых, откровенно фашистских партий. В Германии крайне правые на предыдущих выборах прошли в бундестаг – самое интересное, что среди новых германских нацистов оказалось немало натурализовавшихся турков, которые оказались более правыми, чем сами германцы, и жителей восточных земель. Благодаря их поддержке крайне правые получили аж девятнадцать процентов голосов, а в земельных парламентах – и того больше. Фашизм стоял на пороге.

Одним из козырей европейских крайне правых был агрес-

сивный антиамериканизм, европоцентричность и отрицание англо-саксонского господства в мире.

Истинным отдохновением для Стэна Долана была родная Польша – США он не считал родной страной, хотя не раз громогласно заявлял об обратном, – где он провел целых два дня. В Польше, фактически получившей назад не только Кресы Восточные, но и всю территорию Речи Посполитой, царил невиданный патриотический подъем. На улицах почти у всех к одежде были приколоты бело-красные флажки в цвет национального флага, на каждом углу собирали средства в поддержку армии, молодежь записывалась в добровольцы. В костелах каждые выходные проходила служба по невинно убиенным москальскими террористами польским жолнерам и молили Бога о ниспослании помощи польской армии. От ощущения единения страны, нации – которая теперь по территории фактически вошла в первую десятку, – на глаза наворачивались слезы.

Слезы наворачивались на глаза и от другого, что предпочитали пока не замечать. Дефицит бюджета Польши, некогда минимальный в Европе, – зашкалил за восемнадцать процентов и продолжал неуклонно расти. Обстановка на Украине неуклонно ухудшалась, москальские банды, пришедшие из Белоруссии, появились уже и на Западной Украине. Наконец, идущие к власти германские крайне правые не так давно подняли вопрос о геноциде немцев поляками после Второй мировой войны и заявили, что, придя к власти, они

потребуется от Польши передать Германии все ее исконные территории, некогда отданные Польше по итогам Второй мировой войны.

И вот – Украина...

Украина для Стэна Долана была чем-то вроде Дикого Запада, территорией, которую надо окультурить – естественно, окатоличить и ополячить. Сделать это будет не так-то просто, особенно в условиях жесткого противодействия с многих сторон – но возможно, если действовать быстро и решительно. Если кому-то не нравится новая власть на Украине – пусть убирается, вот и все, граница с москалями рядом. Иногда его посещала мысль, что они тогда неправильно поступили, – не уничтожив разбитые с воздуха москальские и промоскальские банды, – а дали им возможность отойти в Россию, продвигаясь вперед ровно с такой скоростью, чтобы дать возможность выйти беженцам и всем, кто пожелает выйти. Теперь эти беженцы взялись за оружие...

Но что сделано, то сделано.

Расстраивало Долана переходное правительство. Во главе его поставили бывшего президента Ищенко, типичного проамериканиста, с супругой-американкой. Он всего-то должен был – замирить страну и подготовить почву к воссоединению с Польшей по результатам референдума. Но вместо этого – он начал заговаривать о каком-то особом украинском пути. Какой еще, к чертям, особый путь? Надо ему напомнить про особый путь – американской разведке были извест-

ны все банковские счета каждого члена временного правительства, вот пусть и не рыпаются. Их особый путь заключается в том, что они не строят государство – они его нагло и цинично грабят. Потому и не желают объединения с Польшей – больше грабить не дадут...

Но еще на Украине можно будет отдохнуть и телом, и душой... от того, что его гложет... не дает покоя...

Это произошло, когда Стэну было семь лет и он еще не мог постоять за себя. В том квартале была своя иерархия... и у отца просто не было времени, чтобы защитить его: с утра до вечера он был на работе. А мать... тихая, маленькая женщина – она просто не справилась бы с бандой чернокожих подростков-громил... да и отец бы не справился.

В тот день он проснулся утром... как обычно, съел завтрак, приготовленный ему матерью, – та сильно болела и работала на дому. Потом оделся, вышел из дома... в этом районе, беспокойном и криминальном, водители обычно возили детей в школу на машине и встречали из школы тоже на машине... но Стэн был вынужден идти до школы пешком целых четыре квартала. Четыре квартала каменных джунглей, где могло случиться всякое, где он был жертвой, а остальные – охотниками, где его могли ограбить и убить просто от нечего делать. Он хитрил, менял маршруты, шел дворами... обычно это помогало, но не сейчас...

– Эй, снежок! – раздалось за спиной.

Он втянул голову в плечи и продолжил свой путь, надеясь, что чернокожим громилам будет все равно, что им просто лень будет догонять его, и они останутся на месте, пустив вслед ему пару бранных слов. Но сегодня чернокожим громилам хотелось поразвлечься!

– Снежок, вали сюда!

Он услышал за спиной топот и побежал сам... зная, что догонят.

Догнали его за пиццерией, загнали во двор, где стоял давно сожженный остов машины и где остро воняло пищевыми отбросами – мусоровоз вывозил их раз в неделю. Он был один. Подростков было восемь.

Верховодил среди них Буба, и это было самое худшее. Он рос без отца – его поджарили на электрическом стуле, а старший брат его уже находился в коррекционном учреждении для несовершеннолетних. На свободе была только сестра, которая работала в супермаркете кассиром и прямо при нем приводила домой клиентов – такая у нее была подработка. Поэтому Буба, которому было одиннадцать, был весьма осведомленным в вопросах секса подростком.

– Эй, снежок, а что это у тебя тут?

Из его рук вырвали портфель, где были аккуратно сложены книги, тетради и несколько бутербродов, приготовленных матерью. Бутерброды чернокожие хулиганы разделили между собой и жадно съели, а книги один из них вывалил и хотел втоптать в грязь, но второй дал ему по скуле.

– Охренел, бро? Я их продам.

Потом все взоры хулиганов обратились на него.

– Эй, бро, у тебя была белая телка?

– Да, ты же знаешь. Я ей засадил так, что из горла вылезло.

– Да врешь ты все! Если ты кому и засаживал – так только своей бухой сеструхе!

– Не смей говорить про мою сестру!

– А что – и эта телка сойдет!

Перед лицом стоящего на коленях Стэна возник большой черный шланг.

– Ну что, снежок, давай, открывай рот...

Но он сжал челюсти так, что открыть их невозможно было и прессом... и тут ему прямо в лицо ударила мерзкая, вонючая струя. А остальные стояли вокруг и ржали...

Насиловать его негры не стали. Он сам не помнил, как дошел домой и что сказал матери – но в школу он не ходил три дня. Просто лежал и смотрел в потолок. Мать, всегда тихая и смиренная, в пух и прах разругалась с отцом, она швырнула в него сковородкой и сказала, что если они не уедут отсюда, то она разведется и заберет сына, что для католички было вообще невыносимо.

А он за эти три дня кое-что понял. Понял, что все вокруг враги и что жалеть не стоит никого. Понял, что такое ненависть. И дал себе зарок – подкрепленный большим гвоздем, который он нашел и заточил, – что никогда не станет на колени.

Бубу убили в разборке наркомафии – он был на подхвате, и итальянцы, которые не любили негров и не давали им свободы, прошили его очередь из «узи». Стэн Долан – он тогда уже закончил школу – несколько ночей приходил на муниципальное кладбище, чтобы помочиться на могилу Бу-бы. Из остальных семи к настоящему моменту были живы только двое – один мотал пожизненное в Фолсоме, другой – разматывал тридцать лет. Надеяться на помилование им не стоило, какие бы адвокаты у них не были.

Но Стэн все равно это помнил.

И только совсем недавно, первый раз побывав на Украине, он испытал настоящее наслаждение. На Украине было много борделей: и с женщинами, и с детьми – и в одном из них он нашел ответ на свои мучения. Это был русский мальчишка, белобрысый, лет десяти – и люди, которые присматривали за порядком в борделе, связали его и поставили на колени, а Долан ходил вокруг него, осыпая самыми страшными проклятьями и оскорблениями, какие только мог придумать, а потом расстегнул ширинку и... помочился на лицо ребенка точно так же, как когда-то помочились на его лицо. С тех пор то, что с ним случилось, не являлось ему во снах, не мучало его.

Служители борделя, конечно, удивились – но ничего не сказали. В конце концов, время было оплачено и... мало ли у кого какие завихрения в голове.

Он расплатился. За все. И за свое унижение – и за униже-

ние своей страны с Россией в лице русского мальчишки.

Сегодня – он расплатится еще раз...

Борисполь...

Самолет шел на посадку, под крылом мелькала голая, грязная, изуродованная гусеницами земля, дороги, ограждение летного поля из больших, наполненных землей мешков. Чуть в стороне от садящегося самолета плыл похожий на большую стрекозу боевой вертолет, отстреливающий тепловые ловушки. Огненные шары выпадали из его брюха и, горя, устремлялись к земле...

Красную дорожку не постелили, убудки, – возможно, из-за ветра, возможно, из-за чего еще. Почетного караула тоже не было – только американские «Хаммеры», окружившие самолет со всех сторон и направившие во все стороны света пулеметные стволы. Несколько машин – как обычно, использовались черные бронированные «Субурбаны» – ждали их около трапа, выстроившись полумесяцем. На некоторых были открыты люки, и в люках были пулеметчики с «ПК».

Трап подали советского образца – Долан едва не упал, сходя с него. Журналистов почти не было.

Навстречу заму госсекретаря шагнул высокий, тощий, как палка, руководитель гражданской администрации Поль Регнер. Дипломатичный франко-канадец с американским гражданством, здесь он отвечал за правильное распределение средств, выделяемых мировым сообществом на рекон-

струкцию. Украины. Читай – их распилом, почти открытым разворыванием, наделением жирными контрактами нужных фирм. Этому – присутствие партизан было очень даже кстати, потому что позволяло легко и быстро объяснять, почему на восстановление одной и той же школы деньги выделялись пять раз. Да потому, что партизаны, мать их так и этак, взорвали. Мы починили – они взорвали, мы починили – они взорвали. А почему сейчас тут руины, а не школа, хотя по документам она отремонтирована? Так опять взорвали проклятые, только вчера...

С Регнером у него отношения не складывались – исключительно потому, что Долан не был допущен, ему бросали, конечно, кусок – но это были крохи по сравнению с тем, что получали другие, в основном военные и сотрудники спецслужб. Регнер всегда точно знал – кому и сколько следует откатить.

– Как долетели, мистер Долан? – привычно улыбаясь, спросил Регнер

Ничего не отвечая, заместитель госсекретаря шагнул к еще одному встречающему. Генерал Франтишек Бала, командующий сектором «Центр» – тоже высокий, широкоплечий, не снимающий черных очков – возможно, в подражание Войцеху Ярузельскому. Это был генерал старой школы, начинал служить еще при русской оккупации – но это был поляк, и этим было все сказано. К тому же – генерал Франтишек Бала входил в группу очень влиятельных офицеров,

которые в последнее время принимали основные решения в Польше даже в обход гражданских, избранных на выборах властей.

– Пан Долан...

– Пан генерал...

Они обменялись рукопожатиями. Потом, сопровождаемые злобным взглядом Регнера, прошли в стоящую второй в кортеже машину...

Чуть в стороне, в обложенном большими мешками с песком капонире раскручивал лопасти американский АН-64D Longbow apache...

За штурвалом «Апача», который перегнали сюда из Германии, был один из наиболее опытных офицеров-вертолетчиков американской армии полковник Джек Малли. Ему шел уже сорок восьмой год, и за время службы он успел поучаствовать в трех боевых кампаниях – в обоих Ираках и в миротворческой операции в Боснии. Учился он еще на старой «Кобре», но перед самой «Бурей в пустыне» их пересадили на «Апачи», новейшие по тем временам вертолеты. Более сложные, чем старенькие «Кобры» – но полковнику нравилась в них маневренность и скорость. И, конечно, мощное бортовое вооружение, то, без чего вертолету на поле боя не выжить и задачу не выполнить. Впрочем, вооружением было не его заботой, вооружением занимался специалист по вооружению, майор Сол Арно. Его задачей было просто доста-

вить Сола к месту, где он выпалит свои штуки, желательно не попав при этом под огонь «стрел» и «игл».

Полковник был направлен сюда в качестве офицера-инструктора, тем более что он в свое время в составе специальной группы изучал русский «Ми-24» и мог его пилотировать, но летал и сам, потому что выхода другого не было. Американцев здесь было мало, всего десять боевых экипажей на всю Украину, а поляки не справлялись. Учитывая опасность поражения вертолетов из комплексов ПЗРК, командование миротворческих сил приняло решение использовать самолеты, действующие с баз в Польше и балтийских странах, почти недосягаемые для ПЗРК при соблюдении должных мер предосторожности – но полковник считал это большой ошибкой, почти капитуляцией перед партизанами. Самолет не может нормально поддерживать наземные силы, он не может вести патрулирование, тем более что во многих местах то и дело врубали самолетные глушилки-генераторы помех, и приходилось действовать «на глаз». Только вертолет с опытным пилотом может причинить партизанам реальный вред, только он может заставить их испытывать страх.

На счету полковника было уже восемь зенитчиков. Этот план он разработал сам: один вертолет, переделанный в беспилотную машину-транспортник идет как приманка, сознательно подставляясь под ПЗРК, еще один вертолет – его, полковника, вертолет, вертолет-охотник идет позади и на

предельно малой, с соблюдением всех мер скрытности, и один беспилотник типа Predator контролирует «зону охоты». Как только стрелок ПЗРК проявит себя – беспилотник даст знать об этом и вертолету-приманке, и вертолету-охотнику. Вертолет-приманка резко ныряет вниз, отстреливая тепловые ловушки – а вертолет-охотник внезапно выходит на позицию и отстреливает пару десятков ракет «Гидра-70», добавляя на закуску и парочку «Хеллфайров» с термобарической головкой. «Апач» – очень тихая машина, кроме того, у него над винтом радар, и он может «сечь» ситуацию, сам вися над землей и выставив над укрытием только радар. При каких-то ситуациях вместо вертолета-охотника мог работать самолет-охотник, снабженный кассетными боеприпасами или бомбами типа JDAM – но тут сразу возникали проблемы. Кассетные бомбы были вообще запрещены, и швыряться ими следовало осторожно. Бомба JDAM могла сойти с ума от глушилки – а там, где работали ПЗРК, ее могли врубить в любой момент. Ну и наконец – разница в скорости реактивного истребителя-бомбардировщика и вертолета-приманки. Чтобы хоть как-то их уравнивать, пилот самолета-охотника был вынужден кружить над сектором охоты на предельно малой, насилуя двигатель. Нет, вертолет-охотник типа «Апач» был в этой ситуации самым оптимальным решением.

Вообще полковник за то время, что он кувыркался здесь, зауважал русских, впервые ему попался достойный против-

ник. Иракцы, например, так толком и не смогли наладить оборону ПВО, хотя ПЗРК у них были, и в немалом количестве. В Боснии – там вообще были горы, можно было нахвататься с этих поросших лесом гор по самые... гланды. Тоже ничего толком не сделали. И только тут...

Опасно было везде, но особенно – над лесными массивами и над городами. В городах существовали ограничения на ведение огня – партизаны этим пользовались, забирались на крыши, делали запуски и мгновенно скрывались. Распространены были обманки – просто автомобильный аккумулятор и сварганенная вручную антенна, дающая излучение, примерно соответствующее поисковому локатору. В нужный момент на антенну дистанционно подавался ток, естественно, поисковая система «Апача» обнаруживала излучение РЛС и начинала сходить с ума, давая сигнал об облучении. Вертолетчик разворачивал машину, заходил на цель и... получал настоящую ракету с задней полусферы. Один вертолет сбили во время досмотра – в кузове оказался «ДШК», тент сдернули и... Еще один – «ДШК» врезал через крышу, в ней была пробита небольшая дыра для наблюдения. Легкие вертолеты «МН-6», отлично показавшие себя в Ираке, здесь сильно страдали от огня «ДШК» и сосредоточенного огня «ПК», «Ястребам» доставалось, потому что у них никак не была прикрыта задняя полусфера: ни наблюдением, ни огнем. Как ни странно – лучше всего показали себя старые добрые гиганты Сикорского – у них было и наблюде-

ние, и огонь на три стороны, и возможность ночных полетов, и система РЭБ на борту, – но на каждый чих их гонять не будешь, да и было их здесь всего четыре для выполнения заявок американского спецназа.

Поставленная сегодня задача была не такой простой, как это могло видаться на первый взгляд – им надо было сопроводить кортеж заместителя госсекретаря США от Борисполя до Киева. На выполнение задачи мобилизовывались два вертолета «Апач» – позывные «ноль шестьдесят первый» и «ноль шестьдесят второй». Для их наведения и проверки особо опасных участков им придавался беспилотный вертолет «Лоуч»⁷. Мощь воздушного прикрытия должна была компенсировать опасную слабость конвоя – несколько бронированных джипов, максимум вооруженные станковым пулеметом «ПК», два бронетранспортера «Росомаха», каждый из которых вооружен дистанционной установкой с крупнокалиберным пулеметом, и грузовик с польскими солдатами со штатным вооружением. Все это было охраной польского генерала Франтишека Балы, а охрана американцев исчерпывалась частными охранниками на «Субурбанах» с пулеметами «ПК». Все дело было в том, что на охрану был заключен контракт и американцев охраняли частные структуры. Даже на собственной безопасности люди здесь пилили деньги.

⁷ *Loach* – общее название всех вертолетов семейства MD500. Вертолет предельно удачный – летал еще во Вьетнаме и летает до сих пор. Беспилотная модификация также существует уже на момент написания книги.

Нередко это кончалось плохо...

Когда температура газов в вертолетной турбине достигла необходимого уровня, полковник принял ручку на себя, поднимая вертолет и сразу отходя влево, чтобы побыстрее выйти из полетной зоны аэродрома. По уму, в полетной зоне аэродрома вообще нельзя было летать вертолетам, потому что это создавало предпосылки к тяжелому летному происшествию. Но здесь на многие правила просто плевали.

Бетонка, расчерченная квадратами, уходила вниз, вертолет ложился на курс, оставляя за собой стоящие на поле в капонирах самолеты и вертолеты. База была смешанной, и потому техника здесь была самая разная. Их «Апачи» – «шестьдесят первый» и «шестьдесят второй» были единственными в этом районе, еще четыре базировались на базе в районе западнее Харькова и еще четыре – в Николаеве, итого – десять машин. Помимо этого на базе стояли два МН53 Рауе Low 4, четыре «бешеных вагона» «МН-47» для сил спецопераций и один самолет «АС-27» для огневой поддержки (еще два были на патрулировании), которых вечно не хватало. Остальная вертолетная техника – это четыре «АН-6», восемь «МН-6» и восемь вертолетов-дронов – вся находилась в воздухе на различных миссиях. Вертолеты-дроны на базе «АН-6» они получили совсем недавно – но теперь это была самая востребованная техника, на них легко подвешивались два контейнера с «Миниганами» или 2,75 ракетами «Гидра-70», и если даже они попадали под обстрел

повстанцев – то гибли только они, а не американский летный персонал. Первоначально их было десять, но осталось восемь, два ушли в безвозвратные потери, а один, изрешеченный длинной пулеметной очередью из засады, но дотянувшийся до базы, сейчас ремонтировали...

Американской техники здесь было немного, еще какая-то техника (включая морпеховские «Харриеры»), а так же польская и чешская, стояла в Бердичеве, и состояние ее оставляло желать лучшего.

Едва взлетев, полковник вызвал своего ведомого:

– Ганфайтер – Шестьдесят первый, взлетел нормально, запрашиваю Ганфайтер – Шестьдесят второй, доложите.

– Шестьдесят второй, взлетел нормально, все системы стабильны, держусь за тобой.

– Вас понял, Шестьдесят второй, выходим в зону ожидания, снижаться и зависать запрещаю. Продвинь птичку дальше по дороге, пусть барражирует у точки два и ждет нас. Начало движения по моему сигналу.

– Вас понял...

Американцы расселись по машинам довольно быстро, и кортеж из пяти машин покатился по бетонке, набирая скорость, – к воротам «без таможни». Собственно говоря, здесь все выезды с летного поля можно было переименовывать в «ворота без таможни», потому что таможню здесь не проходил ни один дурак.

Высочив с летного поля, конвой почти сразу был вынужден остановиться у блока, где их дожидались силы сопровождения. Узнав машину командующего сектором с польским флажком, дежурившие на чекпойнте подняли шлагбаум без досмотра, за чекпойнтом, фыркая изношенным дизелем, разворачивалась «конвойная» «Росомаха» – бронетранспортер, который в основном гоняли по трассе на «легковых» скоростях и у которого из-за этого вот-вот должна была выйти из строя трансмиссия. Бронетранспортер был максимально облегченный, без дополнительного бронирования, на носу у него была специальная большая табличка, где по-английски, по-польски и по-украински было написано: «Не приближаться, держать дистанцию не менее пятидесяти метров. Иначе стреляем!»

– Как дела в Украине, пан генерал? – по-польски, пусть и с акцентом, спросил заместитель госсекретаря.

Вместо ответа генерал достал из папки небольшую листовку и протянул ее Долану.

– Читайте... пан госсекретарь... – тут он польстил американскому чиновнику, повысив его в должности, – вот так у нас обстоят дела.

Внимание! Данная инструкция обязательна к исполнению во всей зоне проведения миротворческой операции. Если Вы не понимаете что-либо из того, что написано в данной инструкции, обратитесь за разъяснениями к ближайшему офицеру

миротворческих сил или старшему менеджеру корпуса гражданской реконструкции.

Вы въезжаете на территорию Украины, зону проведения миротворческой операции. В настоящее время зона полностью находится под контролем местных властей и миротворческих сил, однако по-прежнему отмечаются бандитские и террористические проявления. В связи с этим при пребывании на территории Украины следует:

1. При прибытии получить отметку в ближайшей комендатуре в двадцать четыре часа с момента прибытия. Если Вы не знаете, где находится ближайшая комендатура, обратитесь с вопросом к ближайшему солдату миротворческих сил. Лица, не имеющие отметки о постановке на учет в комендатуре, будут подвергаться превентивному аресту для выяснения личности.

2. При выборе мест временного проживания желательно останавливаться только в отелях, рекомендованных миротворческими силами. Список мест для расселения вывешен в каждой комендатуре.

3. При передвижении по территории Украины рекомендуется передвигаться группами не менее чем по три человека в каждой, желательно передвигаться на автомобиле, не рекомендуется сходить с основных дорог и улиц, задерживаться в сельских населенных пунктах, на загородных дорогах и особенно в лесных массивах и примыкающих к ним местах. Помните, что бандиты делают все, чтобы дестабилизировать

обстановку, и могут убить Вас, даже если Вы не комбатант.

4. При передвижении вблизи патрульных машин и иных транспортных средств, пеших патрулей, стационарных чекпойнтов сил стабилизации запрещено:

- заговаривать с солдатами сил стабилизации;*
- пытаться сфотографировать солдат сил стабилизации;*
- передавать солдатам сил стабилизации какие-либо вещи, деньги, отвлекать их от несения службы.*

Не рекомендуется:

- делать резких движений;*
- держать руки в карманах;*
- резко увеличивать или уменьшать скорость транспортного средства, совершать резкие маневры;*
- пытаться бежать.*

5. При окрике «Стоп!», а также любом другом, необходимо немедленно остановиться и поднять руки, не опускать их до тех пор, пока Вам не разрешат это сделать. В случае, если Вы не исполните команду, по Вам может быть открыт огонь на поражение.

6. При перестрелке, подрыве заминированной машины падайте и лежите до тех пор, пока Вам не разрешат встать. Если взрывом Вас выбросило из транспортного средства, оставайтесь на месте и лежите до тех пор, пока Вас не обнаружит и не идентифицирует патруль сил стабилизации.

7. Категорически запрещено:

– принимать от незнакомых людей вещи на хранение, проносить эти вещи куда-либо;

– давать незнакомым людям деньги, иные ценности;

– подбирать оружие, боеприпасы, иные незнакомые Вам предметы, если Вы их увидели;

– сообщать неизвестным Вам лицам любую информацию о местах Вашего временного пребывания, системе их охраны, известных Вам местах расположения чекпойнтов.

8. Если Вы увидели что-либо, что внушает Вам подозрения, необходимо при первой возможности сообщить об этом ближайшему солдату сил стабилизации.

Помните: только вместе, общими усилиями мы сможем победить бандитизм и терроризм и превратить Украину в процветающее, стабильное, демократическое государство.

Долан с каменным лицом вернул листок польскому генералу.

– Все так плохо?

– Все еще хуже, пан Долинский, чем вы предполагаете... – серьезным тоном сказал генерал, – все намного хуже. Восток мы уже не контролируем, ситуация там значительно ухудшилась с тех пор, как мы туда вошли. Бандиты нападают на полицейских, полицейские срывают злобу на местных жителях, которые помогают бандитам. В полиции порядка полно людей, которых нельзя подпускать к полицейской работе на

пушечный выстрел, в сичевых стрельцах ситуация не лучше: они воруют боеприпасы, имущество и продают его бандитам, которые используют его против них же. В прошлом месяце в бывшей Луганской области девятнадцать стрельцов, получив оружие, перешли на сторону бандитов, убив четверых польских офицеров и взяв в заложники одного. Мы не можем контролировать малые населенные пункты, ставя там гарнизоны, – у нас элементарно не хватает людей, – а местные на большей части территорий совсем не склонны к сотрудничеству с нами. Все, что мы можем, – это действовать как пожарная команда, туша там, где загорелось, не более. Сейчас «пошла зеленка», с той стороны через границу каждый день просачивается по сто-двести человек, мы не можем перекрыть границу даже с той техникой, какую вы предоставили нам. Все, что может надежно перекрыть границу, – это стена высотой несколько метров с постоянным патрулированием периметра. У меня на руках куча заявлений о переводе и расторжении контракта – даже наши, польские солдаты и офицеры, подают их, украинские же части просто разбегаются при первых выстрелах, часто бросая оружие и технику бандитам. На той стороне границы, по данным войсковой безопасности, – до тридцати только крупных лагерей подготовки боевиков, там преподают офицеры, имеющие солидный боевой опыт, в том числе в войсках специального назначения. Мы считаем, что в летней кампании организованного террора могут принять участие до двадцати тысяч комбатантов,

в том числе с тяжелым вооружением. Теми силами, какие у нас есть, – нам не справиться.

– Что вы предлагаете? – спросил Долан.

– Необходимо нанести удар по приграничной зоне. Координаты лагерей нам известны – если мы не уничтожим их там, потом будет поздно. Ос надо уничтожать на гнезде, а не гоняться за ними по всей ферме.

Заместитель госсекретаря США покачал головой:

– Не в этой жизни. У нас на носу выборы.

– А у нас на носу крах всей операции.

– Не в этой жизни, – настойчиво повторил Долан, – я даже не буду входить к президенту с этим. Возможно, после выборов что-то получится.

– После выборов здесь будет кровавое месиво, пан Долинский, – не повышая голоса, сказал генерал, – сейчас или никогда. Мы готовы сделать это сами, у нас есть ресурсы. Нам просто будет нужна поддержка.

– На ваш страх и риск. Повторяю еще раз – Соединенные Штаты Америки не одобряют и не поддержат никакого расширения конфликта, тем более с вовлечением туда России, с ударами по ее территории. Только этого нам не хватало.

Генерал иронически усмехнулся:

– Вы бросите нас на съедение русскому медведю, Стэн?

– Вспомните Грузию. Пан генерал, можете считать это моей личной просьбой – не надо. Пройдут выборы – там посмотрим, президент, переизбравшийся на второй срок, име-

ет индульгенцию на любую политику, которую сочтет нужным проводить. Вы же знаете, пан генерал, наша партия неплохо относится к Польше.

– Мы это знаем и благодарим вас за это. Но вмешательство после выборов – это все равно, что невмешательство. Вы имеете возможность просто надавить на Москву и заставить ее смириться с произошедшим, а у нас такой возможности нет. Боюсь, мы вынуждены вам напомнить, что мы с вами в одной лодке, пан госсекретарь.

– То есть? – не понял Долан.

– Вы поняли. Если мы обнаружим кое-какие подробности финансирования избирательной кампании вашего нынешнего президента... и то, откуда тогда взялся компромат, и как он готовился – боюсь, ваша партия еще долго не сможет прийти к власти, Стэн.

Долану показалось, что он ослышался.

– Вы шутите?

– Увы, но я абсолютно серьезен.

Заместитель госсекретаря взглянул в глаза польского генерала и понял, что он и в самом деле не шутит.

– Вы соображаете, что говорите? Вы понимаете, пан генерал, что вы угрожаете Соединенным Штатам Америки? Вы понимаете, что на вас дерьма в десять раз больше, и если мы вывалим свое – ни один из вас не уцелеет?

– Мы это понимаем. Потому я и говорю с вами. У нас нет выхода – у вас он есть. Вы можете оплатить словами и влия-

нием то, что мы вынуждены будем оплатить кровью. Друзья – это навсегда, пан Долинский, от них нельзя временно отказать на время выборов. У нас нет выхода – и потому мы сделаем то, что сказали. Решайте...

– Ноль шестьдесят один – отбой, гражданский автомобиль, опасности не представляет.

– Принято, Ноль шестьдесят два, я пройду дальше по трассе примерно три клика, оставайтесь над колонной.

– Вас понял, выполняю.

Давая шпор своему коню, полковник выругался про себя. Два «Апача» над колонной – такое он видел только в Саудовской Аравии, где так охраняли кортежи королевской семьи, опасаясь террористических нападений. Лучше было бы поднять любой транспортный вертолет с пулеметами и снайперскими винтовками – у него обзор вниз намного лучше. На «НН-60» два бортовых стрелка-наблюдателя, на «МН-53», «МН-47» и «МН-92»⁸ и того больше – три. Их вертолет – он вообще не предназначен для патрулирования, его задача – бить танки, и не более. Кто же виноват, что теперь воюют не танками, а просто стреляют из засады...

– Босс, левее на три часа, – сказал Сол.

Полковник бросил машину еще ниже к земле и ушел вправо, разворачиваясь для атаки. Ни на секунду он не зависал, он до сих пор и летал-то потому, что помнил, движение – это

⁸ Военная версия «Сикорского-92» для специальных операций.

жизнь, зависший вертолет – это цель.

– Что там?

Там была какая-то машина... Увидев заходящий на них вертолет, люди бросились в разные стороны, легли на землю, прямо в грязь – все знали, что у американских вертолетчиков с юмором совсем плохо.

– Отбой, это гражданские.

– Принято, гражданские на точке один-один-семь-четыре-два-три, четыре единицы и гражданский транспорт.

Полковник хорошо помнил еще одну такую дорогу – из аэропорта в Багдад. Первый год ее звали «Аллея РПГ», частично она идет через бедные, окраинные кварталы с низкой застройкой, и вот проблемы-то начинались именно там. Потом зачистили, конечно, на нее тогда все силы бросили, он лично ее больше месяца утюжил...

Бориспольская трасса была поухоженнее, слов нет. Когда-то вокруг нее богатые люди коттеджи строили, сейчас часть снесли, часть так и стоит руинами, в них беженцы живут. Оттуда могут и РПГ засадить.

– Шестьдесят второму – пусть птичка пройдет над развалинами на три часа по всей их длине.

– Принято, птичка пошла...

Сам генерал Бала чувствовал себя далеко не в своей тарелке от этого разговора: он когда-то служил в Ираке, командовал сектором и хорошо узнал американских граждан-

ских, может, даже лучше, чем военных. Америка сильно меняет людей: они становятся циничными и ничего не прощают. И еще... вот этот человек, тот, что сидит рядом с ним и недобро молчит, – он все-таки не поляк, он американец, и сейчас затронуто его *личное*, то, что трогать нельзя. Вообще, когда обсуждали все это, он высказался против того, чтобы разговаривать с американцами в таком тоне, но решение было принято, и он как боевой офицер должен был его исполнить. Но он понимал и то, что американцы, вне зависимости от того, выполнят они их требования или нет, этого не забудут и когда-нибудь жестоко накажут их. Генерал начинал служить при русских, и с ними было проще – они или разбирались сразу, или прощали – тоже сразу. А эти – нет, эти не простят...

– Господин госсекретарь, – решился генерал.

Долан не ответил.

– Сэр, вы тоже должны нас понять. У нас безвыходная ситуация, речь идет даже не об этой территории, речь идет дальнейшем существовании Польши. И в России, и в Германии к власти идут в чем-то родственные силы, эти силы являются глубоко националистическими и ненавидят Польшу. У вас не было тридцать девятого года, у нас он был. На нас напали с двух сторон и разорвали на части, только доблестная американская армия, высадившись в Нормандии, положила конец фашизму. Мы, поляки, должны сделать все, чтобы это не повторилось. И вам, американцам, тоже будет невыгодна

новая фашистская ось от Берлина до Владивостока.

– Вы все сказали, генерал. Я тоже все сказал. Вы приняли решение – шантажировать Америку. Последствий этого не избежать...

– Ноль шестьдесят первый, птица совершает облет над городом. Сектор чист, прикрыт местными силами.

– Вас понял, занять позицию на точке один-один-семь-пять-девять-семь.

– Принято...

На горизонте был Киев, вертолет уже летел над пригородами, и полковник принял решение подняться еще чуть выше...

Кто-то снова постучал в люк, майор вопросительно посмотрел на стрельца, командующего этим сбродом.

– Ваш пропавший подчиненный? Откройте...

Маленький светловолосый стрелец протиснулся в десант.

– Жили мы красиво, жили мы бахато...

– Рядовой Марек Охлюпко, объясните пану проверяющему, почему вы покинули пост? – предупреждая все вопросы и глупости, грозно сказал командир отделения.

– Так это... пан проверяющий... – Марек мгновенно сориентировался в ситуации, недаром на гражданке успел два года отсидеть. – По большой нужде вышел, вы уж извините... Туалета-то здесь нет...

Забухтела рация – здесь она была японской, но ловила все равно плохо из-за города и из-за помех.

– Внимание всем, я – Куринный-один. Расчетное время прохождения колонны десять минут, всем доложить о готовности.

По рации один за другим пошли доклады, никто не заметил, как «пан проверяющий» сдвинулся так, чтобы перекрыть и путь к люку, и при необходимости достать мехвода с пулеметчиком. После того как эти доложатся – они уже будут не нужны...

В люк снова постучали, как и было оговорено «два-два», очень быстро. Майор стукнул в ответ один раз, открыл люк. Из люка пахнуло запахом бойни...

Тот самый парнишка, белобрысый с мотоцикла, протиснулся в десант, стараясь не испачкаться, протиснулся к месту механика-водителя. Жуткий запах в стальной коробке десанта его не пугал – он видал и кое-что похуже. Парнишка был сиротой – сумел уйти, когда в Донецк вошли отряды бандеровцев. Оглядевшись, он по-хозяйски подтянул к себе автомат, положил его на колени. Шансов было немного – но они были, и заранее себя хоронить он не собирался.

– Давай, по моей команде, сдаешь резко назад. – Майор занял место стрелка пушечной установки и подключил питание...

– Внимание всем, подходим к мосту!

Старший команды сопровождения, южноафриканец по фамилии Ван дер Мерве, еще с утра чувствовал себя хроново, но объяснить причину этого никак не мог. Он был старым и стреляным псом, начинал у себя на родине как раз тогда, когда рухнул апартеид и толпы разъяренных черных вывалились на улицу, чтобы взять реванш за все бывшее. Стены, которыми были ограждены белые кварталы, не снесли – их пришлось еще и наращивать. Многие белые уехали, в их шикарные дома вселились черные, благо некоторые стгоряча принятые законы позволяли им успешно вести бизнес. Эти самые черные тоже нуждались в охране и относились к своим обездоленным собратьям много хуже, чем в свое время относились белые, потому что белых от черных отличал цвет кожи и деньги, а этих – только деньги. Именно в те годы в ЮАР была заложена основа современной частной военной индустрии, которая сейчас по общей численности занятых сравнялась с любой другой крупной отраслью мировой экономики.

Больше всего он опасался фугаса – это было по привычке, он отбарабанил четыре года в Ираке, и там большая часть потерь – от фугасов и смертников, от взрывов, короче. Первым делом он с самого утра взял «Субурбан» и проехал трассу, по которой через несколько часов придется вести кортеж. Сам, никому не доверяя, осмотрел опасные места – ничего. И все равно – не по себе.

Приняв у трапа самолета пассажиров – VIP должен был ехать в третьей машине, но он сел во вторую – они проскочили чекпойнт у аэропорта, и там к ним присоединилась охрана польского генерала, который ехал в колонне вместе с ними, во второй машине. Хотя это и было оговорено – Ван дер Мерве недобрым словом помянул польского генерала, его матушку и всех поляков в общем – он бы предпочел, чтобы в колонне не было бронетранспортеров. Во-первых, прущая лидером «Росомаха» сильно ограничивала обзор вперед, это была большая и высокая машина, гроб на колесах. Во-вторых – эта же самая «Росомаха» сильно ограничивала скорость движения, они давали семьдесят километров в час, а если бы не было этой каракатицы на трассе – летели бы под сто тридцать. За время службы в Ираке Ван дер Мерве усвоил одну нехитрую истину: колонну надо вести с такой скоростью, с какой позволяет это делать дорога, тогда есть шанс, что ошибется взрывник, затаившийся где-нибудь рядом с подрывной машинкой, да и зону обстрела можно проскочить на скорости. А трасса «Борисполь» специально восстановлена для скоростного движения...

– Тормозни немного... – сказал он водителю, – оторвись от него.

Водитель начал притормаживать, толстая задница бронетранспортера пошла вперед...

– Ноль первый, в чем дело? – мгновенно отозвалась рация. Это был польский майор из Службы государственной защи-

ты, он сидел во второй машине и занимался охраной Балы
– Мы немного отстанем, так будет лучше...
– Броня вас прикроет, держите дистанцию пятнадцать.
– Никак нет, так будет лучше, – с истинно бурским упрямством ответил Ван дер Мерве, – дистанция пятьдесят...
Машины летели к мосту...

Поскольку БТР, идущий лидером, уже не загораживал обзор, Ван дер Мерве успел-таки увидеть сдающий задом БТР сичевых стрелцов, прикрывающий как раз въезд на мост, но в первую секунду он еще не понял, что происходит. И лишь увидев, как БТР разворачивается, сдавая назад и выходя на позицию для стрельбы, он все понял...

– Внимание, помеха слева... – начал он и тут же крикнул, когда понял, когда дошло: – Опасность слева! Бронемашина готовится стрелять! Всем назад!

Водитель рванул руль – и мир вокруг завертелся в бешеной круговерти...

По странному стечению обстоятельств первым в прицеле оказался именно «Субурбан», идущий вторым по трассе – мехвод чуть замешкался, сдавая назад, и они пропустили колонну дальше, чем рассчитывали. Майор Тахиров вдавил кнопку электроспуска – и автоматическая пушка изрыгнула огонь, алая трасса разрезала пространство и врезалась в бок американского бронированного джипа. Его бронирова-

ла знаменитая американская О'Нага, такие же машины находятся в гараже американского президента, но никто и подумать не мог, что террористы для своих целей воспользуются тридцатимиллиметровой автоматической пушкой.

В джипе моментально вырвало переднюю дверь со стороны водителя, искорежило вторую и всех, кто был в салоне. Неуправляемая уже машина приняла, как на грех, влево – как раз туда, куда ушел первый автомобиль колонны, готовящийся совершить немислимый для такого слона «полицейский разворот». Две машины, одна из которых почти не имела скорости, а вторая – неслась на семидесяти, столкнулись со страшным грохотом – и, искореженные, закувыркались по шоссе.

Профессиональнее всего поступил водитель третьей бронированной машины, в которой ехал глава американской гражданской администрации. Увидев, что произошло в голове колонны, и понимая, что времени уже совсем нет, он резко вывернул руль, направляя автомобиль на обочину и дальше, в кювет. Добротный сделанный американский рамный бронированный внедорожник, подняв тучу щебня, проскочил по обочине и со всей дури на скорости рухнул в неглубокий кювет. Не перевернулся – тяжелая передняя часть машины страшно ударилась и вылетела вверх, от удара снесло таранный бампер, открылся капот, перекрыв обзор водителю. Но главное было сделано – они были в городе, в районе городской застройки, и они ушли с линии огня...

Четвертый внедорожник принял в себя сразу несколько снарядов, в том числе бронебойно-зажигательный, и вспыхнул, водитель пятого не рассчитал маневр – и машина закувыркалась по шоссе, как отброшенная ребенком игрушка...

– БТР на девять!

Водитель головной «Росомахи», который и не заметил, что кортеж отстал от него, уже вылетел на мост, когда сзади загрохотало. Секунд пятнадцать у него ушло на то, чтобы затормозить машину, – «Росомаха» не только не приспособлена к шоссейным скоростям, она и тормозит плохо. Разогнавшееся стальное чудовище остановилось только на самой середине моста, водитель переключил передачу и резко сдал назад, оператор пулеметной установки чуть не вырвал джойстик управления из крепления, разворачивая пулемет на цель. Перед отправкой в Крэсы Восточные все «Росомахи» доработали, оснастили накладной броней – и теперь они даже бортом могли «держат» 14,5 миллиметров – от распространенного в России КПВТ. Но бронебойный снаряд тридцатимиллиметровой пушки в бок не может держать даже тяжелая БМП, не то что БТР. Поляки сделали глупость – сдавая назад, они выкатились прямо под пушку, под прицел. И пока оператор наводил (на ходу) пулемет – тридцатимиллиметровая пушка с русского БТР снова загрохотала, несколько снарядов пробили борт и рванули внутри польского БТР. Уже неуправляемый, он прокатился назад по инер-

ции, ткнул носом в то, что когда-то было двумя американскими бронированными внедорожниками, а теперь стало искореженной кучей металла, – и застыл, разгораясь...

Больше всего повезло замыкающему колонну БТР и грузовику «Ельч», набитому солдатами, – они не попали под раздачу и сумели нормально затормозить. Бронетранспортер увернулся от кувыркающегося по шоссе пятого внедорожника колонны, ушел влево и сумел выйти на почти идеальную огневую позицию...

– Цель на одиннадцать часов, огонь без команды! – крикнул поручик, командир машины. – Десанту покинуть машину!

Все равно в такой ситуации десант, находящийся в машине, ничем не поможет, а вот спешившись, помочь может, у каждого – одноразовый гранатомет, а дистанция – метров двести.

– Навел! Это машина сичевых стрельцов!

Бронетранспортер противника начал разворачивать пушку в их сторону.

– Огонь, пся крев!

Оператор бортовой установки «Росомахи» задержал перекрестье прицела на покато борту БТР противника и нажал на спуск. Это был девятнадцатилетний пацан, он завербовался в Войско Польское потому, что верил в то, что Войско Польское самое сильное в мире, если все поляки помогут

ему. Ему нравилась работа наводчика пулеметной установки: перед тобой экран, несколько клавиш и джойстик с клавишей. На экране – цветная картинка и перекрестье прицела, красное. Ты наводишь перекрестье на врага, нажимаешь кнопку на джойстике – и врага больше нет, а ты сидишь под защитой брони, и враг тебя не достанет. У них было самое лучшее в мире оружие, польское и американское, и американцы помогают им, – а значит, скоро они замирят эту землю, и она будет принадлежать им по праву. Он не участвовал в контактных боях, как обычные пехотинцы, и враги представлялись ему не более чем фигурками на экране, в которых надо стрелять – черт, он так же делал дома, играя в разные игры на компьютере. Вот и сейчас – он прицелился в переднюю часть БТР, примерно предполагая, что именно там должен быть и механик-водитель, и стрелок, и нажал на спуск. Пулемета, заработавшего над головой, слышно почти не было, лишь строчка трассеров потянулась к чужому БТР и врезалась в него, выбив искры, – благо он стоял неподвижно, и с прицеливанием проблем не было. Но пушка уже смотрела на них... и тут она плюнула огнем... что-то ударило с силой по корпусу, как молотом... и вдруг стало очень больно. Он непонимающе посмотрел на экран, в их бронетранспортере отчетливо запахло гарью, и боль катилась вверх по всему телу, а нижняя часть как будто совсем исчезла, он ее не чувствовал.

А потом боль исчезла.

– Ноль шестьдесят первый, колонна под огнем! – взорвался криком эфир.

Полковник действовал на автомате – «шаг-газ», педали – и вертолет ушел в резкий разворот, буквально ввинчиваясь в небо, чтобы из его выси соколом кинуться на врага.

– Шестьдесят второй, обозначь цель!

– Цель – бронетранспортер, дружественный объект!

Полковник развернул вертолет и увидел то, что заставило его похолодеть, – из застройки, левее, вырвалась маленькая яркая звездочка, и эта звездочка летела напрямик к «Апачу», целясь по теплу его двигателей.

– Ракета! За мост!

Все, кто служил здесь, – очень быстро учились реагировать без раздумий на слово «ракета». Вот и сейчас второй «Апач», располагавшийся много ниже и правее с места, наклонив хищный нос, рванулся вперед, отстреливая шары тепловых ловушек, разбивающиеся, лопающиеся фейерверком уже на земле.

– Держи! – крикнул Сол.

Вертолет замер – и почти сразу же вздрогнул. Термобарический «Хеллфайр» адским сгустком огня рванулся к месту старта ракеты, оба офицера проводили взглядом его полет, отсчитывая машинально секунды. На счете «два» ракета врезалась в здание, откуда велся огонь, – и оно мгновенно исчезло, окутавшись дымным облаком

– Есть! Смещайся вправо – цель закрыта!

Беспилотный вертолет-наводчик, который мог подсветить им цель, ушел дальше в город и к месту действия не успевал.

– Выхожу на позицию!

– Ракета! Джек, ракета справа! – заорал ведомый.

Плюнув на все, полковник Малли бросил свою машину левее, пытаясь сорвать захват. Двигатель взвыл на высокой ноте, авиагоризонт будто взбесился...

– Она поймала тебя! Поймала!!!

Серой лентой мелькнул прямо под брюхом Днепр – и в этот момент вертолет тряхнуло, на мгновение потемнело в глазах, красным вспыхнула панель приборов.

– Ганфайтер⁹ ноль шестьдесят два, повреждение первого двигателя, повреждение критическое...

Полковник этого не слышал – он продолжал лихорадочно бороться за свою машину. Отключил двигатель, перекрыл подачу топлива, убедился, что автоматически включилась система пожаротушения, и поврежденный двигатель залило пеной. Дал сто процентов тяги на второй двигатель, но машина в момент повреждения имела слишком большую вертикальную скорость и не имела запаса высоты – он умышленно пошел на снижение, пытаясь сорвать захват, но не получилось. Сейчас один двигатель, пусть и на форсаже, не мог

⁹ Gunfighter – стрелок-профессионал на Диком Западе – типичный позывной американских штурмовых вертолетов точно так же, как Hotel от helo, helicopter – типичный позывной транспортников. У нас обычно применяются позывные «Вертикаль» или просто «Борт №...».

погасить вертикальную скорость машины и перевести ее в горизонтальный полет.

– Я – Ноль шестьдесят второй, подбит, снижаюсь!

– На воду! – заорал Сол.

Полковник сработал шаг-газом – он еще работал, – и вертолет в самый последний момент развернуло, они бухнулись в воду у самого левого берега Днепра. Бухнулись мощно, их тряхнуло, так что чуть зубы не вылетели, столб воды поднялся выше кабины, потом еще один удар, но уже слабее. Полковник догадался – дно! И если дно – то целы и они, и относительно – вертолет! Они сели даже после попадания ракетой!

Вертолет чуть покачивался, воды было по середину кабины. Что-то шипело...

– Сол, ты цел? – крикнул полковник. От удара у него мутилось в голове.

Вместо ответа его напарник рванул на себя аварийный стопор и, напрягшись, выдавил наружу боковой блистер кабины. В кабину моментально хлынула вода, но он сидел и ждал, пока все зальет и уравниется давление внутри и снаружи кабины, чтобы вылезти. Кабина вертолета ощутимо стала проваливаться вниз, все ноги были уже мокрыми. Рванул на себя стопор и сам полковник...

Вода была ледяной и грязной, по ней плыл какой-то мусор, но зацепиться было не за что. Вертолет кабиной ушел на дно и за что-то там зацепился, а хвостовая балка торчала

из воды. Сол качался чуть в стороне, загребая руками, полковник подплыл к нему.

– Как ты?

Майор обернулся, лицо его было в крови.

– Нормально... приложило немножко, и что-то не то с позвоночником.

– Грести можешь?!

– Могу! Черт... больно как.

– Давай помогу. Поплыли...

Течение поднесло их к какому-то берегу, заброшенному – полковнику удалось там зацепиться за кустарник, и они выползли на сушу, как потерпевшие кораблекрушение. Сил уже не было совсем; они так и лежали – мокрые, в грязи, наполовину в воде...

– Пошли... двигаться надо...

На четвереньках они выползли из воды, впереди были какие-то контейнеры и пустырь. Полковник прислушался – уже не стреляли.

– Пошли...

Завалившись за какой-то контейнер, они немного, пару минут, полежали так, восстанавливая силы. Потом начали делать то, что и должны делать пилоты, потерпевшие аварию. Первым делом полковник достал аварийный передатчик, включил его и положил обратно в карман – аэродром был совсем рядом, и ждать гостей нужно было минут через десять, максимум пятнадцать. Потом он достал пистолет-пу-

лемет «МР7», который здесь был у каждого летчика вместо штатной «беретты», навернул на него глушитель и положил рядом. То же самое он сделал и с оружием Сола, сунул его ему в руки – все же с напарником было что-то не то, он терял силы и выглядел хреново. А продержаться, пусть и пятнадцать минут, – надо, если их найдут местные – труба. Полковник не питал никаких иллюзий относительно того, как к ним относятся местные и что они с ними сделают, доведись двум американским пилотам боевого вертолета попасть к ним в руки. Даже эти пятнадцать минут нужно выжить...

– Что, напарник?

– Что-то хреново...

– Не двигайся. Помощь сейчас будет, я включил передатчик. На, глотни...

Сол забулькал виски, старым добрым шотландским, флагу которого полковник всегда носил с собой. Малли хлебнул и сам...

– Вот так... Ты только не умирай, ладно? Сейчас спасатели прилетят.

– Не дожدهшься...

– Может, попробуем выйти к своим?

Где-то вдалеке глухо бухнул взрыв...

– Не... Пусть меня свои спасают... а не эти придурки... из-за которых мы тут лежим, мать их так...

– Тогда лежи. И не умирай...

В воздухе, совсем рядом, уже тархтел еще один верто-

лет...

Рассыпавшись цепью, поляки из группы охраны осторожно, перебежками подходили к молчащему бронетранспортеру. Он стоял, *мертво* опираясь на спущенные шины, – американский вертолетчик хорошенько прошелся по нему из тридцатимиллиметровой пушки, вспорол, как консервную банку, но больше ничего делать не стал, улетел куда-то в сторону, возможно, патрулировать. БТР, наделавший столько бед, казался безжизненным, но поляки все равно опасались...

Наконец они залегли в тридцати метрах – дальность броска гранаты...

– Вольчевский, Новак, вперед! Остальные прикрывают!

Двое поляков осторожно поднялись и пошли вперед...

– Пан капитан, люк в десант открыт! – сказал Вольчевский в рацию.

– Стоп! Всем – вперед!

Цепью точно так же подошли к БТР, без команды окружили его. Часть стволов уставилась на БТР, часть – по окрестностям. Мало ли что можно ждать от этих сумасшедших русских. Пахло гарью, соляжкой...

Принявший командование группой охраны – верней, тем, что от нее осталось – капитан Войска Польского Юрий Горжа медленно пошел вперед, целясь из своего автомата по десантному отсеку БТР. Там уже никого не должно быть, но

мало ли...

Присел, посмотрел... боже...

– Малик, держать БТР! Остальным – обыскать все вокруг!
Опасайтесь гранат! Удаление – на прямую видимость.

Поляки рассыпались цепью, впереди был кустарник, и тут кто-то крикнул:

– Пан капитан, там труп!

– Стоять! Стоять, ни шагу дальше!

Горжа осторожно подошел, посмотрел – действительно, тело, лежит на животе... и, кажется: труп... точно труп... спина вся распахана.

Но труп ли?

– Внимание, стреляю!

Капитан Горжа достал пистолет, прицелился – и выстрелил, целясь в мякоть бедра. Пуля попала в цель – но труп продолжал лежать, как и лежал.

Труп...

– Все чисто. Труп! – объявил Горжа. – Десять метров назад и сдвиньте его «кошкой».

Ворочать трупы руками, без «кошки» – здесь тоже давно уже отучились. Кто делал глупости – давно упокоились под заунывное пение хора и причитания капеллана.

Солдаты развернули «кошку», зацепили труп, отошли, дернули. Снова ничего. Решив, что все в норме, капитан Горжа подошел ближе, расслабились и подошли ближе и солдаты...

И тут труп открыл глаза. И даже – как показалось в последний миг жизни польскому капитану – он улыбнулся.

Потом прогремел взрыв...

Ближняя ретроспектива.

15 декабря 2009 года.

Даллас, штат Техас

Джим Гатуик, рекрут. USMC

«Ты нужен морской пехоте США!»

Джим Гатуик и без того знал, что он ей нужен. Хотя бы по тому, каких людей он видел перед пунктом вербовщика...

Пунктом вербовщика было небольшое, одноэтажное, очень аккуратное здание в промышленной зоне Далласа, среди каких-то складов и промышленных корпусов, большей частью пустующих из-за кризиса. Тут же, на загаженной, заплыванной улице стояли автомобили, один из них был с выбитым ветровым стеклом, другой разрисованный – характер рисунков заставлял предполагать, что у художника, нарисовавшего их, были не все дома. Еще несколько машин были из числа тех, которыми пользуются наводнившие страну мексиканские бандиты – девятидесятых годов выпуска, тонированные стекла, мощные моторы. Из колонок, установленных в багажниках, на всю улицу – мексиканские наркобаллады, уголовный рэп. Как потом выяснилось – подростковая банда приехала провожать троих своих подельников в американскую морскую пехоту. Подписав контракт на пять лет,

они получали за счет «дяди Сэма» отличную военную подготовку, опыт участия в боевых действиях, в настоящих боевых действиях – а потом многие возвращались. Мексика все больше напоминала паровой котел с намертво заклинившей крышкой – кого там только не было. Зетас, зловещие убийцы из числа бывших полицейских и мексиканских спецназовцев, поклоняющиеся Санта-Муэрте, смерти, и творящие такое, что кровь стынет в жилах. Эскадроны смерти картели – чаще всего в них набирали бывших и действующих полицейских из спецотрядов, они работали на картели и вели беспощадную войну с Зетас. Хорошо подготовленные трансграничные бандформирования севера страны – они чаще всего состояли из бывших эмигрантов, отслуживших в американской армии и действующих армейскими методами с армейской дисциплиной: несмотря на относительную малочисленность, они всего за год прибрали к рукам два «жирных» пути транспортировки наркотиков полностью. Мексика стояла на пороге гражданской войны: за прошлый год в уличных боях с полицией и друг с другом погибли больше восьми тысяч человек, судя по началу этого года – число погибших за 2009 год обещало перевалить за десятитысячную отметку. Власти лихорадочно пытались удержать ситуацию под контролем: чрезвычайное положение в восьми штатах, армейские патрули в городах, задержания наркобанд с использованием бронетехники, конфискации все больших партий кокаина (которые потом частично пускали на улицу те же полицейские, ба-

дьяжа изъятый порошок, перед тем как сжечь). С каждым месяцем росла трансграничная преступность – людей ради выкупа стали похищать в США, потом переправлять через границу – этим занимались отлично организованные преступные сообщества численностью в десятки и даже сотни человек. Ситуация в стране становилась все хуже и хуже: из-за экономического кризиса закрывались заводы и фабрики, товар не находил спроса, правительство не могло снизить налоги для оживления экономики, потому что вынуждено было обслуживать государственный долг. Единственные люди, кто отлично зарабатывал в стране, были наркотраффиканты – и всем разумным людям уже было ясно, что падение правительства Мексики является уже вопросом ближайших лет, а возможно – и месяцев.

Мексиканские твари – крикливо одетые, с усиками, волосами, собранными сзади в крысиный хвост, модными бородками «готи», обвешанные дешевыми побрякушками из «золота» – перегородили всю улицу перед вербовочным пунктом, гогоча, рыгая, что-то выкрикивая, – по кругу шла бутылка с какой-то бурдой, которая по недоразумению называлась «текила». Чуть в стороне стояла полицейская машина; полицейские подчеркнуто не вмешивались. Оно и понятно – из двоих патрульных как минимум один был сородичем этих чиканос, а в полицейском управлении Далласа отдел служебной этики беспощадно расправлялся со всеми, кто позволял себе хоть малейшее высказывание или действие с расистской

или националистической подоплекой. Да и новобранцев в армии не хватало.

Появление белого вызвало у чиканос весьма сильные чувства – но, кроме как свистом, ни один из них не решился их выразить – все-таки опасались полицейских. Подчеркнуто спокойно, держась с достоинством, как учили его отец и дед, Джим Гатуик прошел рядом с этой толпой. Некоторые девочки – из числа перемазанных косметикой подружек молодых бандитов – посмотрели на него с интересом – все-таки он был белый американец, даже среди хуанит¹⁰ котировался куда выше, чем собственная благота. В другое время и в другом месте Джим и сам бы обратил на них внимание, и очень даже пристальное... но не здесь и не сейчас.

– Белый парень, Эй-стан ждет тебя! – крикнули ему вслед.

Он это знал. Более того – он был из редкого, исчезающего типа будущих солдат, которые надевают военную форму не потому, что в округе нет работы, и не потому, что иначе предъявят уголовные обвинения – а просто потому, что так надо. Потому что форму носили и отец, и дед, и он не видел ни одной причины, почему бы ее не одеть и ему. В армии таких призывников, выявленных с помощью личностных тестов и изучения биографии ценили, хотя и гоняли в три шкуры – зато делали в личном деле отметку ПКО¹¹ и направляли

¹⁰ Хуанита – одно из сленговых названий подружек мексиканских молодых бандитов.

¹¹ Потенциальный кандидат в офицеры.

на учебу.

Внутри, в офисе вербовщика, было шумно, пахло каким-то дезинфицирующим средством, и пахло отвратительно. Все стены были завешаны плакатами, где то казавшийся разъяренным «дядюшка Сэм», то военнослужащие разных родов войск говорили, что нуждаются в тебе. Это была правда, людей в армии катастрофически не хватало.

Нельзя сказать, что в вербовочном пункте было много народу, скорее, наоборот. С восьмидесятых годов, с тех пор, как появился призрак «новой экономики», чей девиз «стань миллионером до тридцати» – с комплектованием всех родов войск были проблемы.

Джим Гатуик нашел дверь, на которой было написано «вербовщик», постучал.

– Войдите!

Тут ему повезло. А может быть, и не повезло, с какой стороны посмотреть. Сейчас везде сокращение расходов, с одной стороны, и повальная вербовка всех опытных вояк в ЧВК, частные военные компании – поэтому роль вербовщиков все чаще исполняют не отставные или негодные к службе в боевых подразделениях из-за ранения вояки, а низкооплачиваемые клерки из числа безработных, часто мексиканцы. Но тут за столом сидел настоящий вояка в звании... едва ли не мастер-сержанта, весьма свирепого вида. Карандаши он, как и полагается такому вояке, хранил в обрезанной гильзе от стапятимиллиметрового снаряда, на столе висели не гра-

моты и фотографии с известными людьми, а что-то вроде тарелки, расписанной символикаой КМП США.

– Проходи, проходи. Не стесняйся, только дверь закрой!

Вояка был настроен весьма дружелюбно, по крайней мере, пока. В кабинете пахло крепким табаком, что было необычно – в правительственных учреждениях курить запрещалось.

– Хочешь служить в Корпусе морской пехоты США? – спросил вербовщик.

– Да, сэр, – коротко ответил Джим, как ответили бы его отец и дед.

– А зачем ты нужен Корпусу, сынок? – подозрительно рассматривая его, спросил вербовщик.

– Ну, сэр... Я слышал, что мы ведем войну, а солдат не хватает.

– Это так...

Вербовщик рассматривал Джима так, как будто он уже что-то натворил. Мелькнула мысль, что если здесь всех так принимают, то совершенно неудивительно, что в корпусе постоянно не хватает солдат.

– Так-то оно так. Вот только я заколебался видеть перед собой маменькиных сынков, которые думают, что если они пойдут в морскую пехоту, то станут там настоящими мужиками. Меня это просто зае...о, парень, вот что я тебе скажу.

– Сэр, я не маменькин сынок и никогда им не был, – ответил Джим Гатуик.

Вербовщик усмехнулся.

– Вот как? Не заметно. Но если ты утверждаешь...

Одним движением он сvez бумаги, гильзу на край стола, что-то даже упало. Выставил на стол руку, крепкую, узловатую...

– Садись! – кивнул он на стул. – И докажи, что ты и в самом деле мужчина.

Джим Гатуик посмотрел на руку, узловатую, крепкую, перебитую жилами, поросшую редким седым волосом. Противник был тяжелее его килограммов на двадцать по самым скромным оценкам, а Джим никогда не занимался армрестлингом.

И вообще, это не предусмотрено в качестве приемного испытания, черт, он просто хочет служить в корпусе, и все.

Но тут этот мастер-сержант, предлагающий ему помериться силами, улыбнулся столь понимающе, что Джима Гатуика как кипятком окатило. Он вдруг посмотрел на ситуацию глазами того, кто должен его вербовать – еще один хлюпик и дохляк, насмотревшийся телевизора и наигравшийся в Medal of honor, пришел проверить, так ли он крут на самом деле...

А пошли вы все!

Нагло улыбнувшись мастер-сержанту, Джим Гатуик, рекрут, сел и ухватился за руку мастер-сержанта. Она была теплой и жесткой, как подошва.

– Ну, смотри... сам напросился.

Джим Гатуик продержался ровно семь секунд.

Пока он разминал чертовски болевшую правую руку, размышляя над тем, не порваны ли связки, мастер-сержант брюзгливо осведомился:

– Английским владеешь?

– Да, сэр.

На стол плюхнулась толстая папка разноцветных листов, сцепленных скрепкой, поверх лег карандаш.

– Черт знает что творится, – пожаловался мастер-сержант, – теперь у нас два комплекта документов, один на английском, а другой на испанском. И каждый раз, когда ко мне кто-то припрется – я должен вежливо спрашивать – извините, сэр, вы владеете государственным языком Соединенных Штатов Америки или нет? И бюллетени теперь тоже печатают на двух языках: английском и испанском. По мне, если ты не можешь понять, что написано в бюллетене, тебе просто не стоит голосовать, вот и все. И если ты не можешь заполнить тесты на английском при вербовке в морскую пехоту – тебе, черт возьми, просто не следует вербоваться в морскую пехоту, потому что дриллы на Пэрис-Айленд любят кушать таких вот... непонятливых на завтрак. Давай, приступай, парень. Здесь тебе работы часа на два. Пиши все печатными буквами. А я пока прогуляюсь по коридору, попробую раздобыть кофе себе, да и тебе, думаю, не помешает.

– А как же...

– Рука? – с усмешкой спросил морпех. – До Пэрис-Айленда, надеюсь, заживет. Если нет – покажешься врачу.

– Нет, сэр, я не про это. Я же... проиграл.

Морпех смотрел ему прямо в глаза, и рекрут почувствовал, что он говорит без насмешки, совершенно серьезно.

– Нет, парень. Ты не проиграл. Ты победил. Самое главное – ты победил самого себя, победил свой страх. Ты шагнул ему навстречу, и неважно, что было потом. Парни, которые могут это сделать, нужны в морской пехоте, потому что мы – те, кто делает то, что сделать невозможно. Ублюдки в Вашингтоне говорят «невозможно», это одно из любимых ими слов, а мы идем и делаем, вот так вот, сэр. Помни, что ты сделал сегодня, и всегда делай так же.

С этими словами вербовщик шагнул за дверь...

Примерно через два часа Джим Гатуик ответил на последний идиотский вопрос анкеты и со вздохом положил карандаш.

– Кажется, все, сэр.

– Все? Вот и отлично. Давай сюда.

Морской пехотинец передвинул к себе толстую пачку исписанных листков, достал очки, которые ему совсем не подходили – круглые стекла, желтая оправка, – нацепил на нос, пробежался взглядом по тексту.

– Ты Гатуик? – вдруг спросил он.

– Да... так точно.

Морпех присвистнул:

– Я был знаком с одним парнем, он служил в Кемп Ле-

джун. Его имя Том Гатуик, не твой родственник?

– Это мой отец, сэр.

Морпех снял очки и положил их на стол.

– А не шутишь? И как он поживает?

– Торгует бензином и товарами для рыбалки и охоты, сэр.

Все для фермеров.

– Интересно. А пенсию он получает?

– Да, сэр, за Залив. Его тогда признали ограниченно годным, он и ушел.

– Не шутишь, – подвел итог морпех, – давай руку. Сын ганни Гатуика здесь всегда желанный гость. Хочешь служить, как отец?

– Да, сэр, – рекрут поморщился, рукопожатие было сильным. Очень.

Морпех покачал головой:

– Не стоит. И знаешь, почему? Твой отец служил так, как будто у него не одна жизнь, а по крайней мере девять. Его задница была везде, где было жарко, как на адской сковородке. Во время Just Cause¹² он ринулся на штурм полицейского отделения, откуда по нам палили два десятка парней, всего лишь с огневой группой. То, что он взял его и остался цел, – чудо. А вот в Ираке ему не так повезло. Служи так, чтобы оставаться в живых, сейчас в Корпусе мало по-настоящему хороших парней. Все понял?

– Да, сэр.

¹² Правое дело, операция по вторжению войск США в Панаму. 1988 год.

– Вот и хорошо. Придешь через три дня. Что с собой брать, знаешь.

На улицу Джим Гатуик вышел уже рекрутом Корпуса морской пехоты США – и поэтому он направился прямо по улице, на этих мексиканских ублодков, и направился с таким выражением лица, что все сразу стало понятно. Он шел на них, как ледокол идет на таран льдин, яростно и неукротимо, глядя им прямо в глаза.

И мексиканцы, на счету двоих из которых были убийства, в присутствии своих девчонок молча расступились перед ним.

В одном из окон вербовочного пункта шевельнулись жалюзи.

Мастер-сержант Корпуса морской пехоты США неторопливо вернулся за стол, свернул сигарету – он предпочитал самостоятельно свернутые сигареты, которые набивал отборным турецким табаком, безо всяких там отдушек и добавок, которые нужны только педикам. Не спеша выкурил сигарету, окутавшись сизым дымом, потом затушил окурочек в пепельнице, которую держал в ящике стола – политкорректность! – открыл окно, чтобы проветрить помещение. Потом, подвинув к себе пакет документов, заполненных рекрутом Гатуиком, снял трубку со старомодного телефонного аппарата, на-

чал набирать номер, который помнил наизусть и которого не было ни в одном общедоступном телефонном справочнике.

– Майора Андерсона, – сказал он в трубку, – это Хилл. Срочно... Да, сэр, это Хилл. У меня здесь есть кое-что интересное, с большими перспективами. Джим Гатуик. Гольф-Альфа-Танго-Виски-Индия-Чарли-Кило. Так точно. Да, он самый. Парень оказался мне дельным, сэр. Так точно. Да, спасибо, сэр. Семпер фи.

В последнее время в Соединенных Штатах Америки стала проявляться проблема – несмотря на прирост населения, на превышающую европейский уровень рождаемость, как только до чего-то доходило – так выяснялось, что не хватает людей. Когда вошли в Ирак – стало не хватать людей. Как только вошли в Афганистан – стало еще хуже. Почему-то в Америке последних лет все хуже и хуже обстояли дела с людьми.

Но все-таки люди были. Потому что Соединенные Штаты Америки были великой державой. Этого у них было не отнять.

11 июня 2014 года.

Пустыня Негев, Израиль

– Держи ниже. Он обшаривает горизонт, но тебя не видит.

Подскочишь прямо перед целью и снова уйдешь вниз.

– Так точно.

Ударный самолет ВВС Израиля F15 Raam (Strike Eagle), модернизированный до уровня Block 20 – более мощная радарная система с элементами от F35, наведение на цели через постоянный канал обмена данными со спутниками США, более мощные и надежные двигатели, частично сниженная радиозаметность – демоном несся над ночной пустыней, иногда опускаясь до тридцати футов над землей. Пилотом был Давид – в который раз подполковник видел, что Давид – пилот от бога, он отключил режим огибания рельефа местности и вел машину на скорости чуть ниже звуковой на таком расстоянии от земли, в обстоятельствах иных ему бы просто оторвали голову за это. Но сейчас от него требовалось именно это, более того – за его спиной сидел полковник (звание присвоили совершенно неожиданно, вызвали в Тель-Авив, пожали руку и вручили новые погоны) Иеремия Эгец, тоже пилот от бога, который сейчас исполнял обязанности оператора систем вооружения. Став комэском, он решил, что должен знать работу не только пилотов, но и опе-

раторов боевых систем.

– Левее. Радар прямо по курсу.

Самолет чуть заметно прянул влево, в кабине замигал датчик облучения радаром.

– Поймали? – напряженно спросил Давид.

– Еще нет. Луч рассеянный. Он что-то видит, но не может понять, что именно. Еще левее, зайдешь с разворотом.

– Он не унимается.

Индикатор продолжал мигать.

– До разворота три... два... один... Пошел!

Машина развернулась резко до предела, замигал еще один датчик – критическая высота.

– Выполнил.

– Спокойно. Я начну отсчет.

И в этот момент раздался резкий звонок системы оповещения – оператор радара перевел его из режима сканирования в режим прицеливания.

– Есть захват.

– Работай! Ты успеешь! Пять-четыре-три-два-один-подскок!

Самолет рвануло вверх так, что их прижало к креслам, желудок ушел куда-то туда, где помещаются отходы от его работы. У полковника Эгеца потемнело в глазах – все-таки не мальчик, хватит хулиганить, – но он успел выполнить работу. Так и не включая радар, он нанес удар – почти одновременно высокоточными планирующими бомбами по на-

значенным целям и ракетами ПРР – по захватившему их радару. Самолет тряхнуло – учебные боеприпасы отделились от подвесок, он разом полегчал на треть и сейчас рвался в небеса. И тут желудок рванулся в обратный путь – Давид перевернул самолет и с пугающим ускорением рванулся обратно к земле, перевернув самолет вверх тормашками...

Сукин сын...

Самолет, выпустив тормозные парашюты, остановился на самом конце взлетной полосы базы 69, от колес шел дым. Медленно порулил на стоянку, чтобы освободить полосу. Двое в кабине – пилот и оператор систем огня – медленно приходили в себя.

– Чертов сукин сын... – сказал полковник.

– В этот раз кое-что удалось сделать, – необычно серьезным для него тоном заявил Давид, – уже лучше.

На машине подлетели несколько пилотов, мгновенно выставили две легкие алюминиевые лестницы. Полковник на ощупь нажал кнопку, чтобы открыть фонарь.

– Иеремия, с тобой все в порядке? – сунулся в кабину штурман эскадрильи.

– Жить буду. Помоги...

– Сейчас. Там к тебе люди из Тель-Авива приехали.

Полковник так и вышел к ним – не снимая летного комбинезона, это была не рисовка, просто не было ни времени,

ни сил его снять.

– Генерал...

Генерал Амос Ядлин, бывший пилот, ставший разведчиком, а потом снова пилотом – то-то все тогда удивились – покачал головой:

– Ты не в том возрасте, чтобы летать.

– Да пошел ты... – просто и бесхитростно заявил полковник, – мне надо было понять, что происходит. Я взял самого лучшего пилота, и мы отправились на учебную миссию. Мне надо было понять, что происходит.

– Понял?

– Понял, Амос. Мы их не прошибем.

Командующий ВВС нахмурился.

– То есть?

– То и есть! – разозлился полковник Эгец. – Это не шутки. Ты прекрасно знаешь порядок построения ударной группы. Мы его нарушили, действуем, как сумасшедшие. В группе на двенадцать машин должно быть два самолета РЭБ и как минимум два специализированных самолета подавления ПВО. А там, где мы столкнемся с системой С300, – их нужно будет четыре. Мы же нагрузили все машины, что у нас есть, бомбами и пытаемся выполнить задачу. Но это невозможно. Я пять раз лично ходил на цель с моим лучшим пилотом, экспериментировали с боевой загрузкой. Последний раз мы шли так низко, что едва не наелись земли. Это был лучший пилот и лучший, черт возьми, самолет, который у нас есть.

Барак¹³ на то, что мы делали, неспособен. И все равно пять раз из пяти радару удалось нас засечь.

– А сколько раз вам удалось произвести сброс? – поинтересовался Миша.

– Два раза.

– Не так плохо... – заметил генерал, и полковник взорвался:

– Два из пяти не так плохо?! Черт, я заслужил отставку уже десять раз. И я напишу рапорт, черт побери, только чтобы не увидеть, как гробят эскадрилью! Два из пяти – мы просто угробим ВВС и ничего не добьемся. Даже если мы отымеем этих ублюдков – оставшиеся отымеют нас, вот и все, что будет!

– Успокойся... – с поразительным спокойствием сказал генерал, – пойдём, немного выпьем. Мы не дежури́м, так что можно.

– Получена новая информация. Информация, которая заставляет нас подойти к предстоящей операции принципиально по-другому. На сегодняшний день достоверно установлено, что у Ирана есть десять боеготовых, ядерных взрывных устройств, мощностью от тридцати до сорока килотонн каждое, пригодных для доставки баллистическими ракетами. Все эти установки находятся в Тебризском позиционном районе, как минимум половина из них установлена

¹³ Один из вариантов F16.

на ракеты и готова к немедленному применению. Все ракеты нацелены на Израиль.

В кабинете, где на столе стояла упаковка пива – пилоты обычно не употребляли ничего крепче, комиссия каждый день, и если выпить, к примеру, вечером водки, то на следующий день не допустят к полетам, – наступило тяжелое молчание.

– Только не говори – какого хрена мы не сделали это раньше, – прервал молчание генерал Амос Ядлин.

– А какой смысл говорить? В нашей стране что-то не так, это знаем мы все, и ты, и я. Раньше мы тушили, как только начинало гореть, а иногда – тушили тогда, когда кто-то только зажег спичку, чтобы поджечь. Поэтому Израиль жив до сих пор. Сейчас мы не тушим и тогда, когда все уже горит синим пламенем. Так, кажется, выражаются русские?

– Так, – подтвердил Миша.

– Вот именно. Так. Поздно запирать конюшню, когда разбежались все лошади. Нам придется учиться жить рядом с кучей фанатичных ублюдков, которые так и мечтают нас уничтожить.

Генерал отхлебнул пива.

– Мне это не нравится, – заявил он.

– Мне тоже, сэр, – обратился к нему полковник так, как это было принято в американской армии, – но в жизни происходят предельно хреновые вещи.

– Мне не нравится твое настроение.

– Оно соответствует ситуации, сэр. Имеющимися ресурсами решить задачу невозможно – либо надо подключать американцев, либо работать не одним вылетом. Лучше первое, потому что в противном случае уже после первого вылета мало что останется. Какого хрена американцы заставляют нас таскать каштаны из огня?

– Здесь живем мы, а не они.

– Да брось, Амос. Им нужна нефть, а нефть есть именно здесь, в таких количествах и такого качества нефти больше нет. Они нас используют в качестве «того самого ублюдка», делают это не первый год и более того – не первое десятилетие. То, что мы можем решить только большой кровью, – они могут решить куда проще. Поднять в воздух все «В2», которые у них еще остались, поднять авианосные эскадрильи с пары авианосцев. Господи, да у них есть стратегические подводные лодки с парой сотен «Томагавков» на борту, чего нет у нас. Почему бы им не заняться теми ублюдками, которые именуют их не иначе, как Большой сатана?

Амос, прищурившись, посмотрел на подчиненного.

– Так ты говоришь, что задачу выполнить невозможно.

– Невозможно.

– Хорошо. Миша, пошли. Невозможно, так невозможно.

Генерал и его спутник вышли, а полковник Эгец так и остался в своей каморке, злой, расстроенный и чуть пьяный. Оставшееся пиво он пить не стал, выкинул в мусорный бак. Потом начал разбирать раскладушку – ехать домой не

хотелось. Да и не дело это – пьяному за рулем...

**Отражение.
03 февраля 2014 года.
Иран, западнее Тегерана.
Региональная штаб-
квартира Корпуса стражей
исламской революции.
Саргорд Арад Бешехти
Специальный отряд КСИР,
оперативные позывные
Птица, Саргорд А.
Иракская Хезбалла,
Турецкая Хезбалла**

Стражи исламской революции (перс. Сэпа́хе пасдарáне энгелáбе эслами) – иранское элитное подразделение (гвардейский корпус), созданное в 1979 году из военизированных отрядов исламских революционных комитетов, сторонников лидера иранских шиитов великого аятоллы Рухоллы Мусави Хомейни. Принимало активное участие в Ирано-

иракской войне, а также в создании Хезболлы.

Корпус предназначен для защиты исламской революции Ирана и ее завоеваний (по решению Высшего совета обороны Корпус Стражей Исламской революции (КСИР) «оказывает содействие армии в деле защиты независимости, территориальной целостности государства и исламского республиканского строя»), распространения господства ислама в самой Исламской Республике Иран (ИРИ) в рамках действующей Конституции, постоянного содействия осуществлению мусульманских идей в мире, ведения борьбы с «подрывными элементами внутри ИРИ, выступающими против исламской революции», проведения спасательных операций в случае стихийных бедствий, оказания помощи силам охраны общественного порядка, в том числе в деле обеспечения безопасности государственных учреждений, религиозных и политических деятелей, оказания помощи органам разведки и контрразведки, усиления вооруженных сил ИРИ при взаимодействии с армейскими подразделениями, создания и военной подготовки народного ополчения – «Басидж».

По словам одного из влиятельнейших иранских деятелей аятоллы Монтазери, «корпус стражей – детище исламской народной революции и является единственным в своем роде органом, обладающим широкими религиозными, политическими и военными полномочиями».

Согласно уставу КСИР, утвержденному в мае 1982 года, его верховным главнокомандующим является рахбар – Высший руководитель Ирана. КСИР состоит из главного командования, объединенного штаба, сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил, в его состав входят силы специального назначения «Кодс» и силы народного ополчения «Басидж». КСИР касательно военных дел управляется Главкомандующим, опирающимся на высший совет командования, аппарат заместителей, объединенный штаб КСИР и штабы видов КСИР, оперативных и территориальных командований. Он отвечает за оперативную подготовку, планирование, организацию и ведение разведки, укомплектование корпуса новыми кадрами, военную и идейно-политическую подготовку личного состава, пропагандистскую и издательскую деятельность, а также обучение басидж. Главкомандующий КСИР назначается лично рахбаром и подчиняется только ему. Касательно духовных (идеократических) дел все руководящие органы Корпуса находятся в подчинении постоянного представителя рахбара – ходжат-оль-ислам (один из высших титулов шиитского духовенства). Он является духовным лицом и, согласно уставу, обязан «следить, чтобы все дела корпуса и решения командования соответствовали нормам шариата и указаниям руководителя страны», то есть по сути является генеральным комиссаром. Для обеспечения контроля над всеми звеньями КСИР ходжат-оль-ислам

назначает в каждом из них своих представителей из числа компетентных лиц духовенства, выполняющих обязанности комиссаров.

Особое министерство Корпуса занимается административно-финансовой и правовой деятельностью, обеспечивает корпус материально-техническими средствами, поддерживает связь с правительством и меджлисом, ведет строительство необходимых объектов и сооружений. При этом министр корпуса хотя и является членом правительства, однако не входит в высший совет обороны, где корпус представлен командующим КСИР.

Вся Исламская Республика Иран, состоящая из 30 останов, разбита на 16 округов КСИР (места пребывания штабов и советов), в свою очередь состоящих из административных районов и далее из баз и постов. Границы округа не обязательно должны совпадать с границами останов (губернаторств) и чаще располагаются на территории нескольких останов.

Состоят из сухопутных, военно-морских, воздушных сил и народного ополчения.

Основной и самый многочисленный вид войск в составе КСИР. В боевой состав входят: 17 дивизий (10 пехотных, 2 бронетанковых и 5 механизированных), 15 – 20 отдельных бригад (артиллерийские, ракетная, зенитно-ракетная, парашютная, специального назначения, связи, инженерно-саперная, химической защиты, пехотная,

бронетанковая), пограничные части и части идеологической обработки. КСИР имеет около 470 танков («Т-55», «Т-59», «Т-62», «Т-72»), 366 орудий полевой артиллерии и 40 РСЗО, 140 единиц зенитных средств, 620 БМП и БТР. Численность – от 100 тыс. до 400 тыс. человек.

Самостоятельный вид вооруженных сил Ирана. На вооружении находятся около 300 боевых и 100 военно-транспортных самолетов – F-4, F-5, F-14, «Боинг-707», «Боинг-737», «Боинг-747», «Су-24», «МиГ-29», а также вертолеты «Ми-8». На вооружении ПВО – ракеты «земля – воздух». Также имеются ракетные части и подразделения, части вспомогательной авиации, учебные центры и полигоны. Главной ударной силой ВВС КСИР являются ракетные войска. Численность – 45 тыс. человек (в том числе 15 тыс. – в ПВО).

Состоят из штаба, четырех отдельных командований, трех ВМР, боевых соединений и частей, подразделений обеспечения, обслуживания, учебных центров. На вооружении имеются 3 подводные лодки, 3 сверхмалые подводные лодки, 3 фрегата с управляемым ракетным оружием (УРО), 2 корвета, 20 ракетных катеров, более 20 торпедных катеров, 13 десантных кораблей, 6 катеров на воздушных подушках, 3 минно-тральных корабля, 28 вспомогательных судов. Вооружение морской авиации (около 2000 человек): самолетов – 22, вертолетов – 15. Три бригады морской пехоты насчитывают

более 5 тыс. морских пехотинцев). В четырех бригадах ракетных войск – более 300 противокорабельных ракетных комплексов. Численность – от 18 тыс. до 25 тыс. человек.

Добровольческие отряды народного ополчения ИРИ. Численность «Басидж» – около 10 млн человек.

Для воспитания пасдаранов активно используются средства массовой информации. В Иране существует несколько радио- и телепрограмм для КСИР. Действует широкоэвещательная радиостанция «Радъйо-йе селах» («Радио корпуса»), которая ведет передачи не только на личный состав КСИР и население Ирана, но и на зарубежные страны. Издаются более десяти многотиражных газет и журналов, в том числе «Пасдар-э эслам» («Страж ислама»), «Пейам-э энкелаб» («Вестник революции») и другие. Выпускается также большое количество пропагандистских брошюр религиозно-политического содержания, в том числе часть материалов издается на иностранных языках (английском, арабском) для зарубежного читателя. Широко используется наглядная агитация. Боевая техника расписана изречениями из Священного Корана, танки и бронетранспортеры украшаются флагами – зелеными (цвет ислама) и красными (цвет самопожертвования). На КСИР возложены задачи создания и подготовки ополчения. В соответствии с уставом все члены ополчения делятся на три категории: простые (рядовые) члены – прошедшие курс общей начальной подготовки и зачисленные в рядовой

состав, активные – продолжившие после курса общей подготовки заниматься по отдельной программе, и особые (специальные) – бойцы, зачисленные в запас КСИР. Последняя категория поддерживает постоянную связь с Корпусом, и им выдается личное удостоверение сотрудника КСИР.

Из Википедии

– Равняйся!

Строй воинов Аллаха, моджахеддинов старательно пытаются держать равнение, но у него это не получается. Каждый из них уже участвовал в боях, каждый из них убивал врагов, многие получали ранения – но все же это не армия. Армия – это нечто другое. Сейчас саргорду¹⁴ Араду Бешехти предстоит сказать им, этим людям, тянущимся перед ним во фронт, нечто такое, что заставит их стать армией и почувствовать себя армией, а не вооруженным сбродом.

– Смирно!

И опять – не в такт и невпопад. Хоть КСИР и не совсем армия, это нечто среднее между народным ополчением и армией – все равно даже новобранцы у них лучше стоят в строю. Хотя... а стоит ли от них этого требовать? Какой в этом смысл, ведь многие из них не доживут до победы. Вон, даже построение – и то приходится делать в ангаре, чтобы не увидели американские спутники. Проклятые неверные!

А в строю собрались разные, очень разные люди. Впервые

¹⁴ Майору.

за всю историю ислама шиизм, истинный ислам, чьи корни идут от четвертого имама, зверски убитого раскольниками, от родственника самого Пророка Мухаммеда – стал не религией изгоев и отщепенцев, которые не могут даже признаться в том, что они шииты, – а религией истинных воинов Аллаха. Кто посмеет упрекнуть их в том, что они не воюют с большим Сатаной, кто посмеет упрекнуть их в том, что они не идут по пути джихада?! Они воевали даже тогда, когда не было никакой надежды, они воевали тогда, когда поддерживаемые всем миром арабские орды во главе с вероотступником и тагутом Саддамом Хусейном обрушились на их родину¹⁵. Саргورد был тогда еще мал, он только недавно родился – но он до сих пор помнил, как были в городе сирены воздушной тревоги, когда Тегеран собирались бомбить иракские летчики на проклятых бомбардировщиках, поставленных им малым Сатаной. Воистину тогда все: большой Сатана, малый Сатана и весь мир, сплотились, чтобы уязвить их и задушить новорожденную революцию, не дать создать первое в мире государство, где правит не тагут, и где конституция – Коран – то, о чем суннитские собаки до сих пор только рассуждают. И немудрено, ведь Аллах вселил ложь в их уста и вакх¹⁶ в их души. Иногда саргورد приходил к мемориалу павшим бойцам той войны и долго стоял там, размышляя. Тогда они так хотели победить, так хотели уничтожить и отбросить агрес-

¹⁵ Вообще-то первый начал Иран, но в Иране это мало кого волнует.

¹⁶ Боязнь смерти.

сора, что даже дети пошли на фронт. С именем Аллаха они бежали по минным полям, потому что не было времени их разминировать, они бросались на иракские танки со связками гранат. Можно ли сокрушить государство, где народ един в своей вере, где слово и дело не расходятся ни на миллиметр, где делами уважают и почитают Пророка и сказанное им?

Но кто сочтет тех, кого они потеряли? Кем могли бы стать те дети, которые погибли на минных полях и под гусеницами иракских танков, произнося в секунду своей смерти «Аллах акбар!»? И могут ли они предать их подвиг и их память?

И как поступать с мунафиками? С теми, кто признает тагута? Взять хотя бы саудовских лицемеров, которые говорят «Аллах акбар», но при этом живут с развратными женщинами из рода кяфиров, даже с жидовками, продают нефть кяфирам и принимают у себя кяфиров. Более того – идут войной на такую же страну, где почитают Аллаха, – и при этом лицемерно называют себя «покровителями двух святых мест». Разве не сказано в Книге – а кто берет себе друзей из кяффиров – тот и сам из них?

Процесс этот начался во второй половине нулевых годов – глупая, даже безумная, плохо подготовленная агрессия против Ирака дала свои страшные плоды. Помимо Хезболлы – партии Аллаха, зверствующей в Ливане, на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, – появилась армия Махди, махдисты – боевые отряды шиитского сопротивле-

ния в Ираке. Чтобы каким-то образом сбить накал противостояния, назначенный на должность командующего коалиционными силами в Ираке генерал Дэвид Петреус начал выплачивать значительные суммы денег шейхам племен и руководителям более-менее устойчивых и подконтрольных кому-либо бандитских формирований за отказ от террора и насилия в отношении коалиционных сил. Действие это произвело страшное – во-первых, война стала перерастать из войны сопротивления в войну гражданскую, которой на Востоке обычно не бывает конца, во-вторых, тем самым умеренные лидеры сопротивления, которые в принципе могли идти на какие-то компромиссы, были дискредитированы в глазах арабской улицы, и моральное лидерство в сопротивлении перешло к крайним экстремистам, которые выступали не только за освобождение Ирака от оккупантов, но и за перенос джихада на соседние страны. Вообще действия американцев в последние несколько лет состоят из тактически правильных ходов и стратегических просчетов. Так, после начала массированного террористического сопротивления в Ираке они заметались и сначала попытались сколотить правящую коалицию из суннитов и шиитов, потом поняли, что ничего не получится, и стали все более явно делать ставку на суннитов, имеющих опыт управления анархичной страной, потому что сунниты находились у власти при Хусейне. Тем самым они дискредитировали суннитов, и не только в этой стране, но и вообще. Еще больший удар по

суннитам нанесла борьба с чисто суннитской Аль-Каидой – американцам удалось нанести по ней чувствительные удары, обескровить и ослабить ее, – но тем самым они невольно способствовали возвышению шиитской и проиранской Хезболлы – организации, имеющей куда больший опыт террористической войны. Если для Аль-Каиды плацдармом и источником кадров были Афганистан, оккупированный и защищенный США, и Пакистан, где с террористами так же боролись, то Хезболла подпитывалась в Ливане и в секторе Газа, который стал первым в мире террористическим государственным образованием, где суть и смысл жизни подавляющего большинства населения – террористическая война, а к карьере террористов детей готовят с детского сада. Стало возрастать влияние на соседние регионы исламо-фашистского, но также имеющего тесные отношения с Ираном ХАМАСа, который некоторые толерантные и политкорректные партии признали легальной политической партией, имеющей право участвовать в выборах. Это при том, что ХАМАС имел более чем тридцатилетний опыт террористической активности и отказываться от терроризма как метода достижения целей не собирался. Политкорректное мировое сообщество решило «сдать» Израиль, десятилетиями борющийся с этим злом, не понимая, что малый тактический выигрыш меняет на стратегический проигрыш и создает огромный очаг экстремистской заразы, справиться потом с которым будет уже невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.